

Владимир
ЛЕЩЕНКО

Ветвящееся время

«...История искусства имеет обыкновенные
попытки не отойти от своих старых
развития человечества...»

Владимир Лещенко

**Ветвящееся время.
История, которой не было**

«Автор»

Лещенко В. В.

Ветвящееся время. История, которой не было / В. В. Лещенко —
«Автор»,

Как изменился бы ход всемирной истории, если бы не появились христианство и ислам? Что было бы с Древним Римом, если бы Ганнибал одержал победу? Как сложилась бы судьба Русского государства, если бы князь Владимир стал католиком? Перед вами увлекательная книга – оригинальная попытка осмыслить мировую историю от Александра Македонского до Михаила Горбачева. Картины, нарисованные автором, при всей их фантастичности могли стать реальностью.

© Лещенко В. В.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТАК МОГЛО БЫТЬ...	5
Славная и долгая жизнь Александра Великого	5
Roma delenda est [11]	19
Последний великий эллин	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Лещенко

Ветвящееся время.

История, которой не было

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТАК МОГЛО БЫТЬ...

Славная и долгая жизнь Александра Великого

Александр Македонский – человек, при жизни объявивший себя сыном Зевса и почитаемый мусульманами под именем Искандера Зуль-Карнайна, – принадлежит к числу людей, чьи деяния глубоко и бесповоротно изменили мир.¹

Прежде чем перейти к рассмотрению того, что сделал, и что не смог и не успел сделать, как и того, что он смог бы сделать, окажись к нему судьба более благосклонна, следует подробнее остановиться на том, чем была на тот период Македония, и одновременно – развеять одно весьма распространенное заблуждение.

Большинство даже интересующихся историей не делают разницу между македонцами и эллинами. В действительности это далеко не так – в лучшем случае, их следует считать, как минимум, двоюродными братьями. И для понимания всей истории Александра Великого это обстоятельство весьма важно.

Начать следует с того, что северные народы, хотя и говорили на языках, родственных греческому, сильно отличались от греков «классических» – в культуре, обычаях, и религии; то были не родные, а скорее двоюродные братья афинян, коринфян и спартанцев. Эллада, с ее полисным демократическим строем, философскими школами, презрением ко всему негреческому и количеством рабов, превышающим число свободных – явление, можно сказать, уникальное в мировой истории. Север, напротив, демонстрирует порядки, схожие с существовавшими у большинства народов тогдашней Европы, да и не только ее. То были абсолютные монархии, с мощным слоем военной аристократии, еще не выродившейся в титулованных бездельников, где горожане составляли весьма малый процент, да и сами города и отдаленно не походили на Афины или Фивы. Строй жизни в этих странах определяли не столько законы, сколько не успевшие отмереть под натиском цивилизации патриархальные обычаи. Тут не было ни величественных храмов, ни прекрасных статуй, и изделия ремесленников, в противоположность тем, что изготавливались в Аттике и Пелопоннесе, не отличались особой красотой и изяществом. Зато – и это было важнейшим отличием их от Эллады – рабы не составляли сколь-нибудь большой процент населения, и сохранялся многочисленный слой свободного крестьянства, практически исчезнувшего в Элладе. Именно этот слой поставлял в армию храбрых и выносливых воинов.

К середине IV в до н.э. наиболее сильным государством этого региона стала Македония. Именно здесь, в столице Македонского царства – Пелле и появился на свет Александр. Произошло это в 356 году до н.э. Матерью его была дочь молосского царя Олимпиада, отцом – базилевс (царь) Македонии Филипп. Оставим на время нашего героя, пока еще мирно лежащего в колыбели, и поговорим о его отце, ибо, как признает большинство историков, многим

---

¹ Чтобы правильно оценить последствия деяний Александра, укажем, что ему – и только ему одному, обязано своим существованием явление, называемое эллинизмом – один из краеугольных камней фундамента нашей цивилизации (хотя бы потому, что он был одним из слагаемых христианства).

из достигнутого Александр, обязан именно сделанному отцом. Филипп II завершил объединение Македонии, окончательно ликвидировав удельные княжества, подчинил, часть Иллирии и Фракии, а следом и Грецию, заложив основы будущей империи Александра. Именно Филипп придумал непревзойденную македонскую фалангу. И именно Филиппу принадлежит идея похода против Персии, хотя он при этом не ставил никаких глобальных целей, предполагая всего лишь отвоевать населенное греками-ионийцами побережье Малой Азии.

Он был известен своим жизнелюбивым нравом, любил веселые пиры и охоты, не гнушался даже лично участвовать в комедийных представлениях (это, кстати, казалось просвещенным эллинам лишним доказательством его «варварской» натуры). В Македонии обычаи дозволяли многоженство и Филипп вовсю пользовался этим. Всего у него было девять законных жен, правда, вопреки иногда встречающемуся утверждению, не одновременное, а в течение всей жизни. При этом, он вовсе не был тем разнузданным дикарем, каким его рисуют некоторые исследователи, о чем свидетельствует хотя бы то, что в качестве учителя к сыну он пригласил не кого – то, а Аристотеля.

Уже в возрасте шестнадцати лет Александр принимает бразды правления, правда, пока лишь на время -отправляясь на одну из своих многочисленных войн, отец вручает ему власть над Македонией. Александр отличается в войне с фракийцами, а в 339 году до н.э. в знаменитом сражении при Херонее, покорившем Элладу македонской власти, командует левым крылом конницы.

Настал 338 год до н.э., и все резко меняется. Филипп порывает с женой и вступает в новый брак. Как представляется, вина за этот разрыв лежит, по большей части, на самой Олимпиаде. Вздорная, необыкновенно властолюбивая и ревнивая, (недостаток, особенно нетерпимый в условиях полигамии), она с годами к тому же все чаще страдала вспышками необъяснимой ярости. Вдобавок, ее стараниями македонский двор окончательно погряз в интригах – это при том, что он и до того прославился ими едва ли не на весь греческий мир. Начинается обычная в подобных случаях борьба клик у трона, клан родственников новой жены активно оспаривает права молодого царевича на престол. В итоге Александр покидает родину и вслед за Олимпиадой уезжает в Эпир. Однако, вскоре последует примирение, и Александр с матерью возвращаются в Пеллу. Отношения отца и сына после всего случившегося остаются достаточно непростыми, но Филипп никогда не ставил под сомнение статус Александра как наследника престола, во всяком случае, официально.(111,29)

В 336 году до н.э. сорокашестилетний Филипп во время торжеств по случаю свадьбы дочери, был убит одним из своих придворных, – Павсанием. Предположение о причастности если не самого Александра, то его матери к этому убийству, возникло, видимо, почти сразу, хотя и не было произнесено вслух. Современники, однако, свидетельствуют, что молодой царь был искренне потрясен гибелью отца. (111,31) Аристотель, великолепно знавший нравы македонского двора, при котором прожил не один год, считал что случившееся – лишь месть Павсания за личную обиду.² Состоявшееся под руководством Александра разбирательство так ничего и не прояснило. Ограничились казнью членов семьи убийцы, у подножия погребального кургана царя (сам Павсаний погиб в схватке со стражниками на месте преступления).³

Одновременно, Олимпиада смогла удовлетворить долго терзавшие ее чувства ревности и мести и вдова царя, и ее новорожденная дочь были убиты, (по некоторым сведениям, несчастные были заживо сожжены). Никто из вельмож не подумал заступиться за вдову и ребенка своего прежнего владыки – все были озабочены дележом власти и все безоговорочно под-

---

² Ряд источников даже утверждает, что Павсаний подвергся гомосексуальному насилию со стороны одного из ближайших приближенных царя, некоего Аталла, а возможно даже и Пармениона, но спустя два с лишним тысячелетия трудно утверждать что-то определенное.

³ Сохранившаяся в неприкосновенности могила Филиппа II Македонского была обнаружена в конце 70 г.г. XX века на севере Греции, близ селения Вергина.

держали Александра. Тогда же были уничтожены все родственники убитой вдовы Филиппа, даже весьма отдаленные, а заодно и представители прежнего царствующего дома. С возможной оппозицией Александр Македонский покончил быстро и радикально, как и было принято в те времена. Однако оставались враги внешние, и они не замедлили заявить о себе. С севера возобновили набеги давние противники – фракийцы, а когда македонская армия выступила против них, в Элладе вспыхнуло восстание, центром которого стал крупнейший культурный и экономический центр Северной Греции – Фивы. В кратчайшие сроки перебросив армию с севера на юг, Александр разбивает мятежников и берет Фивы. Город разрушается до основания, стены его сносятся, а жителей поголовно продают в рабство. Эта расправа приводит Элладу в ужас, заставив забыть самую мысль о возможном сопротивлении.

Греческие и фракийские дела отодвигают персидский поход на два года. Наконец, в 334 году до н. э. двадцатидвухлетний царь во главе войска македонцев и греков переправляется в Малую Азию. И именно тогда он объявляет войску о цели предстоящего похода. Они идут не для грабежа и даже не для того, чтобы вырвать у одряхлевшего персидского льва из когтей несколько клочков земли. Нет – они завоюют весь мир, пройдя до самого края Ойкумены.

Возле города Граник Александра встречает спешно собранное войско малоазийских сатрапий. Почти не понеся потерь македонцы с легкостью разгоняют рыхлое, не способное к согласованным действиям воинство Дария. В их руки один за другим переходят малоазийские города. Те, что сдаются ему без боя, могут рассчитывать на снисхождение, но для сопротивляющихся у Александра только одна кара – смерть. Огню и мечу преданы Эфес, Галикарнас, один из древнейших эллинских городов Малой Азии – Милет.⁴ К осени Александр оказывается во Фригии, где решает зимовать. Все это время Дарий никак себя не проявляет; возможно персы рассчитывают, что вдоволь пограбив, македонцы уберутся обратно.

Весной следующего года войско выступает в поход и, пройдя Киликию, достигает центральной Сирии. Тут – то и является со своей огромной армией Дарий, решивший, что пришло время прекратить безобразия, творимые в его владениях дерзким юнцом. Александр оказывается в крайне опасном положении. Персы, пройдя в тыл македонян, перерезают все пути, сделав невозможным не только отступление, но даже какой-либо обходной маневр. Остается две возможности – либо безусловная победа, либо смерть. Битва при Иссе завершается победой, вражеское войско разбито с минимальными потерями (хотя в числе прочих, на стороне персов билось почти тридцать тысяч греческих воинов), персидский владыка поспешно отступает в глубь страны. Вообще, если верить некоторым историкам, то своими победами над персами, Александр обязан прежде всего трусоватому и слабовольному царю Дарию III.

Александр устремляется на юг, но вскоре вынужден сдержать свой наступательный порыв. Восемь месяцев македоняне осаждают Тир; финикийская твердыня неприступна, и самые осторожные уже поговаривают, что удача отвернулась от царя. Одновременно, оправившись после Иссы, Дарий начинает новое наступление в Малой Азии, пытаясь отрезать Александра от Греции. Однако Антигон отбивает эти попытки, а вскоре, впервые за всю историю своего существования, Тир пал: по приказу Александра тысячи рабов и пленников насыпают дамбу, соединившую остров, на котором стоял город, с материком и по ней подвозят осадные машины. Все уцелевшие защитники города перебиты, их семьи проданы в рабство. Лишь небольшая часть тирян смогла покинуть обреченный город на судах, и бежать в Карфаген. Поздней осенью того же 332 года до н. э., македонская армия вступает в Египет и, не встречая сопротивления, присоединяет его к владениям молодого царя. Жрецы поспешили провозгла-

---

⁴ Против Александра на стороне персов, почти всю персидскую войну, бились не только эллины Ионического побережья, (кстати, мирно жившие под властью шахов в течении более двух веков), но и многие греки Пеллопонеса, недовольные подчинением Эллады северным «варварам»; например – бывший командующий афинской армией и флотом.

сить Александра фараоном и, в соответствии с вековыми традициями, объявили его живым богом – сыном верховного божества Амона -Ра, отождествляемого греками с Зевсом.

Именно тогда произошло первое столкновение Александра со старыми военачальниками, служившими еще его отцу. Напуганный двумя тяжелыми поражениями Дарий решил попытаться закончить дело миром. Он направил к македонскому царю посольство, обещая выплатить огромную контрибуцию, и утвердить за ним все его завоевания в Азии и Египте. Не колеблясь, Александр отверг эти условия, заявив, что намерен сражаться до победного конца. Он даже предложил шахиншаху добровольно отречься от престола и передать ему всю власть. Старшие полководцы, резонно полагавшие, что не следует бесконечно испытывать воинское счастье в борьбе со значительно превосходящим противником, возмутились подобным решением. Самый уважаемый из них – Парменион, по воспоминаниям Птолемея, заявил на совете: «Будь я Александром, я бы принял условия персов», на что Александр ответил – «Я тоже бы принял их, будь я Парменионом». (111,89) Не исключено, что именно после этого случая у Александра впервые зародилась мысль: при первом же удобном случае избавиться от слишком самостоятельного стратега.

Перезимовав в Египте Александр двинулся в Месопотамию. Здесь, у селения Гавгамелы, произошла битва, окончательно определившая несчастливую судьбу Персии. Дарий выставил против тридцатипяти тысячной армии Александра силы, по одним данным в шесть, по другим – в чуть ли не в десять раз превосходящие ее.

В ее составе многотысячная конница степных племен – вассалов Персии, боевые слоны, греческие наемники, лучшие бойцы, собранные Дарием со всей империи: царская гвардия Бессмертных.

И эта битва персами проиграна, словно и впрямь македонцам помогают боги. С самого начала управление войсками было полностью потерянно и какое-либо взаимодействие между отдельными частями персидской армии стало невозможно.

Плотный, непробиваемый строй фаланги, ошетилившийся стеной шестиметровых сарисс, прошел сквозь хаотичные персидские порядки, угрожая царской ставке. Дария охватил уже привычный ужас, и он обратился в бегство.

Армия незамедлительно последовала примеру царя царей.

Македоняне захватили колоссальные трофеи, в том числе всех боевых слонов, которых персы так и не успели пустить в дело. В плен попало множество сатрапов и сановников. Среди прочей добычи оказался и гарем шахиншаха.

После этого чудовищного разгрома всякая воля к сопротивлению окончательно оставляет Дария. Вместо того, чтобы, уйдя в многолюдные и богатые провинции южной Персии, собрать новое войско, он бежал на северо-восток страны, скрывшись в труднодоступных горах.

Настает время высочайшего триумфа и высочайшей славы для этого человека, которому еще нет двадцати шести. Вся огромная персидская держава оказалась у ног Александра.

Без боя заняты Вавилон и Сузы; взяты несметные сокровища, в числе которых и вывезенные из Греции Ксерксом статуи, почти пятьдесят тысяч талантов (около тысячи трехсот тонн) серебра и до сорока тысяч талантов золота.

В Вавилоне жрецы вновь воздают Александру божественные почести.(111,125)

Персидские вельможи, явившиеся ко двору Александра с изъявлениями покорности, обласканы им, и получили богатые дары и должности.

Александр, как мы знаем, беспощадный к родственникам своих врагов, включая женщин и детей, обошелся весьма милостиво, с семьей царя, попавшей в плен, и даже именовал при всех мать Дария, Сисигамбис, «матушкой».(111,70)

Затем царь идет на север, и захватывает священную столицу Персии – Парсу, более известную как Персеполис. Несмотря на его обещание пощадить город, Парсу предают разграблению и сжигают. Многие историки придерживаются широко известной версии о том,

что Александр сделал это, чтобы угодить своей тогдашней фаворитке – знаменитой афинской гетере Таис, желавшей таким образом отомстить за разорение ее родного города Ксерксом, случившееся за полтора века до того. Автор же предполагает, что царь просто не сумел, да и не очень хотел, наверное, удержать дорвавшихся до сказочно богатой добычи вояк.

Тем временем среди приближенных Дария созревает заговор, во главе с сатрапом Бактрии Бессом. Шахиншах зверски убит (по мнению одних – чтобы его головой откупиться от Александра, по другим – в качестве мести за проигрыш войны). Узнав об этом (видимо, с облегчением в душе – живой Дарий, даже в плену, составил бы немалую проблему), Александр приказывает предать покойника царскому погребению, а всех участников убийства – казнить (их, отдадим должное ему, вылавливали тщательно и упорно в течение следующих полутора лет).

Таким образом, Александр убил даже не двух, а трех зайцев.

Во первых, выступив в роли мстителя за смерть Дария, он завоевал себе славу справедливого и благородного правителя. Во вторых, таким образом лишний раз подтверждалось его положение как преемника династии Ахеменидов, а не просто чужеземца, силой захватившего трон. Наконец, в третьих, что тоже немаловажно, он весьма наглядно продемонстрировал своему окружению возможную судьбу всякого предателя.

Вскоре, Александр сталкивается с первыми проявлениями недовольства в армии. Недовольство это двоякое. Первое, и наиболее массовое течение, которое разделяют как знатные сподвижники Александра, так и простые воины, исходит из того, что пора прекратить войну, ибо захваченная добыча и территории и так превосходят всякое воображение, и приступить к освоению персидского наследства. Оппозиция иного рода, может быть не столь широко распространена, зато носит куда более фундаментальный характер. Многие представители аристократии не согласны с идеями Александра, касающимися положения различных народов в империи. (16,321) Осуществляемая на практике, несмотря на все недостатки, «гомоноя» – равенство всех людей независимо от национальности их не устраивает. Особенно им не нравится появление при дворе сановников из числа персидских «варваров» и включение их в состав этерии – элитного войска. Не меньше недовольства вызвало внедрение персидских обычаев при дворе, особенно проскинезы – обряда коленопреклонения перед монархом.

Как сильны были оппозиционные настроения, и насколько далеко готовы были пойти их носители, точно сказать невозможно. Поэтому обратимся к голым фактам в изложении историков. Вначале по доносу, в заговоре с целью свержения Александра был обвинен доблестный солдат, начальник тяжелой конницы Филота – сын Пармениона. После долгих пыток он во всем признался, и был побит камнями. Одновременно, по приказу Александра убивают самого Пармениона и, вслед за ним, по все тому же обвинению в измене и заговоре истребляют всех его родственников, занимающих посты в армии. (111,98)

...Казалось бы, дальше некуда стремиться, достигнуто то, о чем еще несколько лет назад не мечтал ни один, самый смелый эллин. Давний враг – гигантская империя Кира и Ксеркса повержена, на персидском троне восседает греческий базилевс. Можно спокойно почивать на лаврах. Но Александр вновь затевает поход, на этот раз в северном направлении – в Согдиану и Бактрию, отказавшиеся признать его власть. Во главе противостоящих ему сил становится один из самых способных полководцев покойного Дария – сатрап Мараканды (нынешнего Самарканда) Спитамен.

Эта война с заштатной провинцией растягивается на три года. Александру приходится преодолевать яростное сопротивление местных жителей, не желающих покориться победителю Дария. Существенную помощь им оказывают сарматы и массагеты.

Армии приходится выдерживать неслыханные в Греции и Азии зимние морозы в горах, бураны и снегопады закаспийских степей. К тому же, опытных македонских воинов немного,

большинство в войске составляют не очень умелые, а главное – не слишком надежные уроженцы покоренных земель.

Спитамен в конце концов убит своими соратниками, и если прежде царь казнил убийц Дария III, то теперь принесшие его голову щедро вознаграждены. Но подчинить Согдиану полностью не удалось, и по большому счету, никаких результатов кроме сожженных городов и опустошенных сатрапий эта война не дала.

Во время одной из стычек Александр получает ранение в голову, от которого он так и не оправился до конца жизни, время от времени он страдает от мучительных головных болей.

Наконец, царь заключает мир со скифскими племенами и, основав на реке Яксарат (нынешняя Сырдарья) город Александрия Эсхата, возвращается в Вавилон. Изрядную часть пути он вынужден проделать в носилках.

Во время согдийского похода, по доносу одного из участников, был раскрыт новый заговор, на этот раз, похоже – настоящий. Теперь его участниками оказались македонские юноши из числа ближайших царских слуг, (т.н. «заговор пажей»). Заговор этот стал будто бы известен благодаря тому, что проболтался один из его второстепенных участников. В их намерение будто бы входило заколоть царя во сне, или отравить. Несчастные юноши сознались во всем, что не удивительно, учитывая, что на службе Александра состояли искусные азиатские палачи. Всех их тоже забили камнями, причем не кто-нибудь, а лично приближенные Александра. Кроме этого, к заговору был «пристегнут» философ и историк Каллисфен, племянник самого Аристотеля и придворный летописец Александра. Вина его, по мнению Александра, была в том, что он идейно подготовил этот заговор, осуждая царя за чрезмерное увлечение персидскими порядками. Для родственника своего учителя, царь придумал особо изощренное наказание – его, закованного в цепи, посадив в клетку, возили за войском. Дальнейшая судьба ученого с точностью неизвестна; он то ли умер от болезни, то ли был тайно умерщвлен в тюрьме.

Но все вышеизложенное не заставило Александра оставить мысль о покорении всего обитаемого мира.

По возвращению в Вавилон, ставший фактической столицей создаваемой державы, он принимается готовить поход в Индию.

Перейдя Инд – границу бывшей Персии, македонская армия без сопротивления прошла царство Таксила, правитель которого поспешили признать власть Александра. Но вскоре путь ему преграждает войско царя Пора. По численности оно заметно превосходило македонское, вдобавок, это была едва ли не лучшая по оснащению в тогдашнем мире армия. Против изнуренных долгим переходом македонцев выходят боевые слоны в защитных доспехах, лучники, вооруженные тяжелыми дальнобойными луками, множество боевых колесниц. Наконец – оружие индийцев выковано из «белого железа» – индийского булата, с легкостью рубившего македонские мечи, которые гнулись от сильного удара так, что их приходится выпрямлять прямо среди боя. (101,7)

И, тем не менее, Александр одерживает верх. Царь Пор пленен, его войско рассеянно и отступило. Но этот величайший успех индийского похода, одновременно оказался и последним.

Александр, вместо того, чтобы попытаться закрепить за собой уже завоеванные индийские земли, освобождает Пора из плена, в обмен на обещание стать его вассалом и с прежним, прямо-таки маниакальным упорством двигается дальше. Он форсировал Инд, и вторгся в долину Ганга.

И настал момент, когда, пройдя с тяжелыми боями области нескольких племен, взяв почти четыре десятка крепостей, оставив позади несколько заложных городов, форсировав

множество рек, армия, прежде всегда беспрекословно шедшая за Александром, отказывается повиноваться и требует возвращения домой.⁵

Александр, по свидетельству очевидцев, рвал на себе одежды, рыдал, уговаривая своих воинов продолжать войну, а под конец три дня просидел безвылазно в своем шатре, не допуская никого. Но заставить армию наступать уже было невозможно, и он отдал приказ повернуть назад.

Обратный путь оказался, однако, куда тяжелее наступления. Множество воинов погибли от жажды в безводных пустынях Гедрозии (Юго-Восточный Иран), не меньше утонуло во время переправ через бурные реки и частых наводнений, или погибли в арьергардных боях.

В Вавилон царь вернулся в состоянии глубокой депрессии.

Он пытается найти забвение в пиррах, охоте, и мелких походах против горных племен северной части Ирана. Пробует заняться, наконец, делами своей империи, правда, без особого успеха – подавляет мятежи горных племен, формирует части из персов, обученных эллинским обычаям и военному искусству, разбирает конфликты между греческими полисами... и требует от них же официального провозглашения себя богом.⁶

В это же время он вступает в брак – сразу с двумя дочерьми сразу двух персидских царей: своего предшественника Дария III – Статирой, и Артаксеркса Оха, которого тот сменил – Сиритой. Очевидно, эти браки объяснялись чисто династическими соображениями: таким образом, Александр стремился окончательно закрепить за собой, в глазах персидского населения, право занимать трон. Одновременно, он устраивает браки своих близких соратников с девушками из знатных иранских родов, а десять тысяч солдат его армии берут в жены персиянок. Другие десять тысяч ветеранов с почестями и наградами отпущены домой.

14 июля 324 года до нашей эры, он серьезно заболевает. Через несколько дней его не стало.

Довольно широко была распространена версия об отравлении царя, вошедшая в историческую и художественную литературу. Назывались даже конкретные имена. Прежде всего, это македонский наместник Антипатр, недовольный губительной, и бессмысленно истощавшей по его мнению силы Македонии, политикой Александра, а также имевший личный повод для мести, ибо среди казненных царем были его ближайший друг Парменион и зять Александр Линкестий(111,198). Упоминался в этой связи и Аристотель, как возможный «духовный отец» заговора. Однако, по мнению большинства исследователей, эта версия представляется сомнительной.⁷ Причиной смерти скорее всего послужило то, что организм, многолетним перенапряжением нервных и физических сил, последствиями ранений, а также крайне нездоровым образом жизни,⁸ который вел Александр Македонский, не смог справиться с болезнью.

Представим же себе, что тогда, летом 323 года до н.э. или же – по принятому на тот момент среди эллинов летоисчислению – в первый год 113 Олимпиады, Александр Великий выздоравливает от поставившей его на грань смерти тяжелой азиатской лихорадки. Как бы могла пойти в таком случае дальнейшая история мира?

---

⁵ Свою роль сыграли, видимо и сообщения разведчиков о том, что против них готовится выступить войско царя Магадхи, насчитывающее, якобы, сотню тысяч воинов и более двух тысяч боевых слонов.

⁶ Незадолго до смерти Александра Македонского, к нему явились послы от всех эллинских союзов и главных храмов, с тем, чтобы поднести дары, и воздать почести как богу (111,191)

⁷ Тем более, что версию эту сопровождали вовсе фантастические подробности, что де яд, которым сын Антипатра Кассандр отравил царя, был добыт из источника в македонских горах, напрямую связанного со Стиксом – рекой подземного царства и имел такую силу, что «разрывал даже подковы» (???), и его привезли в Вавилон в сосуде из ослиного копыта – единственно способного удержать эту таинственную субстанцию. Невольно вспомнится «универсальный растворитель» средневековых алхимиков, тоже растворяющий абсолютно все, даже философский камень. Правда, у алхимиков, в отличие от греков, нет указаний – где хранить подобный продукт.

⁸ Проще говоря, все последние месяцы перед кончиной Александр предавался безудержному разврату и пьянству.

Видный английский ученый Арнольд Тойнби в своей работе «Если бы Александр не умер тогда...» (кстати, одной из первых публикации на тему альтернативной истории, появившихся у нас в печати), дает картину возникновения всемирной державы, протянувшейся от Британии до Шанхая, с модернизированным буддизмом в качестве государственной религии. (102,42) Да еще, вдобавок, благополучно существующей и поныне, спустя двадцать три с лишним века. С Тойнби, в основном солидарен и В.С. Поликарпов; он даже название первой главы своей книги заимствовал, чуть изменив, у английского ученого.

Автор позволит себе не согласиться с подобным сценарием, и взамен предлагает вниманию читателя свой, на его взгляд – куда более реалистичный.

Итак, великий царь, при жизни официально объявленный полубогом (и, быть может, всерьез считавший себя таковым), находившийся буквально на смертном одре, неожиданно выздоравливает.

По этому случаю в храмах всех возможных религий в Вавилоне и других городах созданной им державы проводятся благодарственные молебны, обильные жертвоприношения и пышные церемонии.

Кое-кто среди его сподвижников, уже выстроивший определенные планы на случай кончины Александра втайне огорчен, но абсолютное большинство армии и приближенных искренне радуются.

Рады и очень многие из его разноплеменных подданных – хотя бы потому, что явственно предвидят неизбежные смуты и войны, со всеми сопутствующими им бедствиями, которые неизбежно воспоследовали бы, лишись в одночасье огромная империя своего создателя и владыка.

Окончательно оправившись от болезни, Александр с удвоенной силой и всей своей прежней энергией принимается готовить давно задуманный поход на запад – в Италию.

В Коринфе, Афинах, на Кипре и Крите, на ионийском побережье Малой Азии по приказу великого царя собирается флот, предназначенный для перевозки новой, спешно формируемой армии. На Средиземное море отозван из Месопотамии один из ближайших друзей царя, знаменитый мореплаватель Неарх: сейчас не до поисков морского пути к Индии и Египту, которыми он занимался последнее время.

Именно Неарх берет в свои руки руководство морской частью экспедиции.

Вместе с греческими войсками в состав армии включаются и подразделения, сформированные из жителей Персии, Сирии, Малой Азии, Ливии.

Наконец, царь лично прибывает в армию, чтобы самому, как он и привык, возглавить великий поход в западные земли.

...Вопреки высказанному Тойнби мнению, на итальянском театре военных действий главным противником македонцев оказался отнюдь бы не Самний, представлявший собой достаточно рыхлый конгломерат небольших царств. И даже не Рим, в то время еще недалеко ушедший от положения укрепленной деревни и оказавшийся во главе Латинского союза скорее благодаря удачному стечению обстоятельств, нежели своей действительной мощи и непобедимости. (102,35) «Врагом номер один» на этот раз оказывается Карфаген.

Тому был целый ряд серьезных причин. Первое: именно Карфаген был наиболее богатым и могущественным государством этого региона. Подчиниться власти Александра, означало для него потерю практически всего достигнутого за несколько столетий. Лишиться владений в Иберии и Сицилии, утратить власть над союзниками, вполне вероятно – передать македонцам свой огромный флот. Второе: Александр в войне на западе выступал как союзник и покровитель греков, давних и непримиримых врагов Карфагена, с которыми он боролся уже не первый, и даже не второй век. Грекам предназначалась роль проводников господства Александра на завоеванных землях и, в случае его победы, именно грекам принадлежала бы полная гегемония во всем Западном Средиземноморье, в том числе, разумеется, и в торговле. Пунийцев, и в

особенности Карфаген, как бывшего фаворита, ждали бы всяческие ущемления меры со стороны властей империи Александра (и это еще мягко сказано). Наконец, было еще одно весьма важное обстоятельство, а именно: не кто иной как Александр Великий, как мы помним, приказал уничтожить Тир – прародитель Карфагена.

Предвидя надвигающуюся опасность, пунийцы принимаются лихорадочно сколачивать антимакедонскую коалицию. Вполне возможно, среди их потенциальных союзников оказался бы и Рим. Ведь – обстоятельство широкой публике практически неизвестное – некоторое время спустя Карфаген и Рим совместно выступят против царя Пирра, пытавшегося силой оружия создать объединенное эллинское государство на Аппенинах.

Александр по обыкновению действует быстро и решительно.

Вначале, мощный македонский десант высаживается на Сицилии и на юге Италии, заселенной греческими колонистами (так называемая Великая Греция).

Тамошние полисы очень быстро объединяются под эгидой Александра.

Отчасти этому способствует явственно осознаваемая угроза со стороны пунийцев, но значительно в большей степени – страх перед многочисленной армией непобедимого царя, и хорошо известная судьба тех, кто пытался стать на его пути. В короткий срок, объединенные силы местных греков и македонцев вытесняют карфагенян с занимаемой ими части острова.

Одновременно мощный царский флот перерезает морские пути между Северной Африкой и Аппенинским полуостровом, лишая карфагенян возможности снабжать свои войска, и оказывать действенную помощь своим итальянским союзникам.

На северном направлении армия царя также успешно продвигается вперед. На ее сторону переходят не только греки, но и многие итальянские государства, прежде всего небольшие народы, вроде умбров, калабров и япигов. Прежде всего те, кто считает себя первыми потенциальными жертвами агрессии самнитов и латинов.

В морях, омывающих Аппенинский полуостров, кипят яростные сражения между флотами греков и финикийцев. Названия доселе безвестных итальянских городков и селений звучат также, как до этого – Марафон и Гавгамелы.

Однако превосходство на стороне Александра. К его услугам практически неисчерпаемые людские и материальные ресурсы гигантской державы, а противники его, ко всему прочему, еще и разобщены годами прежней вражды.

Вначале разгромлен и подчинен Самний, затем Латинский союз.

Дольше всех сопротивляется Рим – мужество и несгибаемая доблесть его граждан общеизвестны. Но и его ожидает судьба Тира и Персеполиса.

Трудно предполагать – погиб бы он безвозвратно, или же на его месте, как предположил Тойнби, Александр основал бы новый город – форпост своего влияния в Северной Италии, какую-нибудь Александрию -на -Тибре. Да это и не столь уж важно для нашего повествования. Рим квирицкий, Рим латинский, Рим сената и цезарей, которому суждено было бы всего через столетие с небольшим начать играть колоссальнейшую роль в мировой истории, исчезает бесследно и навсегда. Людям позднейшего времени даже не известно это название, как напрочь забыто название рыбацкого селения, стоявшего на месте Александрии Египетской. (13,65)

Завершается Итальянский поход подчинением власти Александра этрусских городов-государств, осуществленным, впрочем, без какой бы то ни было войны. Этруски – расены, уже пережившие эпоху своей славы, находившиеся в вынужденном союзе с Римом, просто механически переходят под руку македонского государя, вместе с прочими трофеями этой войны. Этрурия становится мирной и покорной провинцией его империи. Однако, дальнейшее продвижение на север Аппенинского полуострова приходится притормозить.

За землями этрусков, по ту сторону реки Рубикон, лежит Цизальпийская Галлия, воинственные и многочисленные жители которой за полвека до описываемых событий едва не стерли с лица земли Рим.

Оставив на ее границах небольшие гарнизоны – в основном из местных жителей, Александр Великий поворачивает армию на юг.

Теперь настает черед Карфагена. Осажденный с суши и моря город ведет неравную борьбу. Члены Карфагенского союза один за другим спешат перейти на сторону уже очевидного победителя – поскольку война все равно проиграна, самое время позаботиться о своей судьбе. Иные даже рассчитывают выгадать кое-что от исчезновения прежнего сюзерена.

Мы знаем как умели сражаться римляне. И знаем также, как умели сражаться пунийцы и тиряне. С уверенностью можно утверждать, что город бы не сдался победителю персов и италиков, и разделил бы судьбу всех прочих городов, что посмели не подчиниться воле великого царя, владения которого лежат теперь на трех материках.

...От пепелищ Рима и Карфагена, от новых Александрий, заложенных в Италии и Африке, царь опять возвращается на Восток. Им вновь владеет мысль о покорении индийских земель. Все с той же неумной энергией царь, только переваливший за вторую половину четвертого десятка лет, собирает новую армию.

Спустя некоторое время громадное войско уже готово к повторному вторжению в Индию. С Александром на этот раз идут фракийцы и самниты, оски и латиняне, этруски, критяне, итальянские греки, галлы и иберы, персы, согдийцы и финикийцы, идут кшатрии и погонщики боевых слонов из уже покоренных индийских царств. Только македонцев совсем мало в новой армии, разве что гвардейцы – гетайры, да еще военачальники, и то не все.

Войско вновь идет по уже знакомому пути, еще более умножаясь за счет примыкающих к нему по пути отрядов новоявленных союзников – тех, кого страшит уже одно имя Александра – повелителя почти всего известного мира.

Индия огромна. Но в ней только более менее крупных государств больше двадцати, а мелких царств – во много раз больше. И это не считая десятков совсем диких племен и народностей, племенных союзов, весьма слабо соединенных под властью кого-то из сильнейших вождей, городов-государств, отчасти подобных греческим полисам, с сильной торговой олигархией, которую не привлекает мысль о большой войне. (104,149)

Все они разделены к тому же годами, если не веками вражды, и давними предрассудками, да еще и расстояниями – следовательно, никакие совместные действия невозможны.

Однако, несмотря на все это, покорение Индостана затягивается на годы. Сперва царь, продвигаясь обычным маршрутом всех завоевателей, вторгавшихся на субконтинент, захватывает северо-запад Индии, затем распространяет свою власть на плато Декан, громит ожесточенно сопротивляющееся царство Калинга на востоке, и Магадха – в центральных районах; за ними приходит черед других стран и народов полуострова.

Впрочем, далеко не все государства приходится завоевывать силой. Многие властители, зная судьбу, которая ожидает сопротивляющихся, предпочитают, по примеру государей упоминавшейся выше Таксилы, изъявить по крайней мере внешнюю покорность, и откупиться толикой своего богатства и людьми для царского войска. Для других, война которую ведет Александр – благоприятная возможность свести старые счеты или сбросить зависимость от более сильного.

Повелитель, чья столица находится где-то далеко на севере, заметно предпочтительнее для многих, нежели ближайший и давний враг. Некоторые присоединяются к великому царю, как это бывало не раз в истории и до и после, в надежде на богатую добычу и высокое положение после победы. Брамины во многих землях приветствуют великого «Аликсудара» как дэванамприю – любимца богов и их посланника; точно также поступили, как мы помним, жрецы Египта и Вавилона(13,104). Да и в массах простых людей весьма широко распространяется мысль, что своими успехами Александр Македонский обязан помощи высших сил – иначе как ему удалось бы победить стольких врагов, чьи армии неизмеримо превосходили его войско? Подобное мнение также немало способствует все новым успехам царя.

В завоеванных индийских землях образуются несколько крупных наместничеств. Большие государства, за исключением добровольно вошедших в державу Александра, ликвидированы и расчленены на мелкие области, возглавляемые македонскими вассалами из числа местных сторонников царя. Некоторые, представляющие особую важность города и территории управляются непосредственно назначенными Александром чиновниками.

При этом происходит то же самое, что до того имело место в Персии: при дворе появляются индийские вельможи и советники, в царской гвардии – воины из числа индийской знати, а гарем Александра, учрежденный по персидскому образцу еще раньше, пополняется индийскими красавицами.

Подобно своему отцу, царь, в промежутках между войнами и государственными делами неустанно плодит все новых потомков, не особенно беспокоясь, что после его смерти это может повлечь борьбу за власть между наследниками, и даже распад державы.

Одновременно, происходят и процессы иного рода – хотя и не столь заметный, но зато куда более важный для будущего. Обширнейшие знания, накопленные к тому времени индийской наукой, прежде тщательно скрываемые в узком кругу жреческой касты, становятся доступны в полном объеме эллинским ученым.

В философских школах Афин, Александрии, Пергама, появляются индийские учителя мудрости.

Распространяется так же и буддизм – но, разумеется, далеко не в таких масштабах, как предположил Тойнби. (102,34)

Греция близко знакомится и с искусством азиатских народов. Богатейшая поэзия и мифология Сирии, Вавилонии и, конечно, Индии, творчески усваиваются драматургами, писателями, художниками, давая начало множеству произведений.

Искусные индийские мастера – архитекторы и скульпторы, ювелиры, умеющие гранить алмазы, ткачи, выделяющие тончайшие драгоценные ткани, оружейники, изготовлявшие несравненный булат -вутц передают свое умение ремесленникам Эллады и Азии.

При этом происходит и встречное движение. Греческие колонии возникают в городах северной и южной Индии и Цейлона, как незадолго до этого они появились в Персии и Бактрии. В них происходит активное смешение и взаимопроникновение восточной и эллинской традиции, что способствует заметному развитию обеих культур.

Наконец, армия, к этому времени уже на три четверти состоящая из уроженцев Индостана достигает южной оконечности субконтинента. Переправившись через Адамов мост ⁹ на Цейлон, Александр завершает войну, подчиняя мелкие дравидийские княжества острова. Вновь, как когда-то, после завоевания Персидской империи, встает вопрос: что же дальше? Продолжить войну, или, наконец, остановиться, и приступить к обустройству своих колоссальных владений?

От обитателей покоренных царств, от иноземных послов и купцов и собственных криптиев – разведчиков, царю хорошо известно о лежащих за Индией землях.

Он знает о находящемся в нескольких неделях морского пути обширнейшем архипелаге (нынешней Индонезии), истинные размеры которого неведомы. Острова эти сказочно богаты, и населены многочисленными и воинственными народами. Знает он и о лежащем севернее Золотом Херсонесе – Малакке. Знает о государствах нынешнего Индокитая. Надо ли тратить силы на их завоевание? Царь ведь уже не так молод, скоро он сравняется возрастом со своим отцом. И если да, то какой путь избрать? Отправлять ли на их покорение флот? Послать ли войско по суше, через почти непреодолимые горы и джунгли?

---

⁹ Адамов мост – цепь мелких коралловых островков и отмелей, соединяющая Цейлон с Индостаном. Именно при его посредстве и происходили практически все вторжения на остров.

Или, быть может, вновь вернуться на запад, дабы на этот раз подчинить северных варваров: всех этих кельтов, германцев и фракийцев?

В эти же годы, помимо великих походов, происходят и более мелкие войны на окраинах. Стратеги Александра сражаются в Верхнем Египте, стремясь завоевать африканские царства Мероэ и Напата.^(102,37) Отбивают происходящие время от времени наскоки северных соседей на границы изрядно обезлюдившей Македонии и галлов на италийские владения. Обороняют бывшие карфагенские владения от осмелевших нумидийских племен. В далекой Испании пытаются окончательно покорить воинственных иберийцев, а на юге – продвинуться в Аравию. Но все это вряд ли удостоится чего-то большего, нежели десятка-другого строк в трудах тогдашних, да и будущих историков.

Между тем положение в огромном государстве оставляет желать много лучшего. Непрерывные войны поглощают весьма и весьма большое количество материальных и людских ресурсов, что порождает вполне объяснимое недовольство в массах. Прибавьте к этому бесконтрольную власть и самоуправство алчных наместников, борьбу придворных партий всю пользуясь многолетним отсутствием монарха в столице, связанные с этим раздоры среди министров и советников. Вдобавок, представители высшей и местной власти, рекрутированные как из числа греко-македонцев, так и иноплеменников, очень быстро усваивают весь набор разнообразных восточных пороков – от бессмысленной расточительной роскоши и неудержимого казнокрадства до употребления наркотиков. Все вышеперечисленное отнюдь не способствует благополучию империи. Правда, несколько оживляется торговля, что связано с устранением границ и таможенных барьеров.

Характер царя царей с возрастом также отнюдь не улучшался бы, скорее наоборот. Только усугубились бы те отрицательные черты, что проявились в нашей истории ближе к концу его жизни – вспышки беспричинной ярости, подозрительность, жестокость.

Еще не один сановник, и не один город испытали бы на себе его гнев, вызвав даже малейшее непокорство, или просто попав под горячую руку. Рискнем предположить, кто именно из его приближенных разделит бы судьбу Пармениона и Каллисфена. Это, безусловно, Антипатр, которому, по всей видимости, стоил бы жизни давний конфликт с мстительной и властолюбивой Олимпиадой, Птолемей – тому наверняка бы припомнили идею раздела империи, высказанную во время болезни Александра и, наконец, Чандрагупта.

Этот хитрый индийский царек сумел, в свое время, накануне первого индийского похода, втереться в доверие к Александру, став при нем чем-то вроде советника по всем вопросам, касающимся Индии. В действительности же, он рассчитывал, используя македонцев в своих интересах, при первом удобном случае изменить им, и самому править отвоеванными у прежних владык индийскими землями (что, в нашей реальности ему и удалось, после смерти изгнав греков из Таксилы, и став родоначальником династии Маурьев и предком знаменитого Ашоки).^(104, 235)

Идут годы.¹⁰ Войны сменяются недолгим миром. Бывает и так, что стоит угаснуть сражениям на одном конце державы, то сразу же вспыхивает война на противоположном. Но жизнь на огромном пространстве от Атлантики и Кантабрийских гор до Цейлона, отнюдь не исчерпывается одними лишь войнами. Строятся новые города, развиваются ремесла, ширится торговля, создаются новые произведения искусства и философские системы. Для огромного большинства поданных Александра, и он сам, со всей его властью, и войны, которые он ведет где – то очень далеко от их краев, остаются некоей абстракцией. Есть целые обширные области,

---

¹⁰ Для удобства, равно как для интереса читателей, будем считать, что судьба счастливо хранила Александра все это время – и от вражеских копий и стрел, и от кинжала подосланных греками или пунийцами тайных убийц, и от яда и меча заговорщиков. Ведь и в реальной истории большинство тиранов и царей умерло своей смертью.

вроде упоминавшейся выше Согдианы, где власть его скорее чисто номинальная, а сборщики податей – весьма нечастые, мягко говоря, гости.

Несмотря на сохраняющийся (при все большем влиянии азиатских культур) эллиоцентризм и приверженность правящей верхушки (при всех нюансах) классическим греческим ценностям, вновь созданное государство быстро приобретает черты классической восточной империи, хотя в областях Эллады частично сохраняется полисный строй.

Провозглашается формальное равенство всех подданных, независимо от нации, места жительства и религии, хотя на практике оно соблюдается далеко не всегда.

Изменилась и армия. В ней, как уже говорилось, очень мало греков и македонцев. Они сведены в отдельные части, на случай неповиновения туземных войск. Основную же массу солдат составляют жители азиатских, африканских, индийских провинций огромной империи, правда, обученные и вооруженные по македонскому образцу. Наряду с тяжелой кавалерией не раз приносившей македонцам победу, немалое место занимают и конные лучники из числа кочевых племен; Индия поставляет боевые колесницы и многочисленных слонов – непобедимую элфантиерию.

Двигающиеся вместе с войсками и посольствами историки, философы, географы собирают сведения о землях, где им довелось побывать. Греческие ученые творчески осваивают мудрость иных культур, пытаясь свести воедино все, что известно им и их предшественникам о мире.

Под руководством великого Неарха заметных успехов достигает мореплавание. Корабли его подчиненных активно исследуют побережье Аравии и Персидского залива, стремясь установить морское сообщение между Месопотамией и Египтом.

Осваивается и прямой морской путь из Красного моря в Индию – греческие навигаторы почти на два столетия ранее, чем в нашей истории, открыли секрет муссонных ветров, позволяющих быстро пересекать Аравийское море.

Обсуждается вопрос о посылке экспедиции вокруг Африки с участием западных финикийцев-жителей бывшего Карфагенского союза, по примеру организованной за три века до того по приказу фараона Нехо. Одновременно делаются попытки исследовать восточное побережье континента; суда из Египта с каждым годом заплывают все дальше на юг.

Даже требования божественных почестей и поклонения владыке уже становятся привычными. Большинство следует словам одного спартанца: «Так как Александр хочет быть богом, пусть будет богом».(111,97)

Стареющему царю, впрочем, это все не слишком интересно. Он торопится завершить объединение под своей властью всей Ойкумены – ведь он уже принял решение о том, куда двинет свою несравненную армию в этот раз.

Задуманный им очередной поход, должен завершить, по его мнению, покорение цивилизованного мира.

Целью теперь являются земли Древнего Китая – Чжунго(102,41).

От разведчиков, Александр хорошо знает о многочисленности тамошнего населения и огромном богатстве тамошних владык. Но разве не покорил он совсем еще недавно столь же многолюдные и обильные ресурсами индийские земли? Кроме того, хорошо известно и другое: семь расположенных там царств ведут почти непрерывные, истощающие их силы войны друг с другом. Вдобавок, тамошние жители приучены к покорности, а солдаты не отличаются чрезмерной храбростью.

...И вновь уже не впервые собирается войско для нового великого похода.

В нем плечом к плечу стоят воины сотен и сотен племен – от диких всадников из Великой Степи, до жителей Испании, Ливии и альпийских долин. Но больше всего в ней тех, кто уже начал забывать свой дом, для которых жизнью стала война и которые ничего кроме войны уже не знают и не хотят знать. Эта армия воистину достойна именоваться армией Повелителя Мира.

Ее путь лежит далеко на северо-восток, за Памир и Гиндукуш, за безводные степи Кашгарии и пески Гоби, в далекую страну Чжунго...

В этом месте мы и расстанемся с Александром Великим.

Невозможно сказать, погиб бы он вместе со своей армией где-то в Поднебесной, одержал бы очередную невероятную победу, дойдя до омывающего восточный край Ойкумены океана, и дожил бы до глубокой старости с сознанием того, что совершил все, доступное для смертного; умер бы от болезни или раны, либо же вернувшись ни с чем, как когда-то из Индии, тихо угас бы, лишившись смысла жизни. Также и не будем, подражая Тойнби, строить гипотезы о том, как могла развиваться в дальнейшем судьба созданного им великого государства, просуществовало бы оно еще какое – то время (какое-то – это может быть и сто, и более лет), или было бы немедленно разорвано на куски в войнах между наследниками Александра, как то случилось в знакомой нам истории. Но ясно одно – мир, где сын Филиппа и Олимпиады не умер бы тогда, в Вавилоне, в 323 году до начала так и не наступившей нашей эры, был бы куда менее похож на тот, в котором мы живем сегодня, чем даже тот мир, где юного македонского царевича сразил бы эллинский меч под Херонеем или Фивами.

Roma delenda est ¹¹

Одной из возможных развилок времени, что не один раз привлекала как беллетристов, так и серьезных ученых, является происходившее в III столетии до н. э. противоборство Карфагена и Рима, вернее – его исход. Немало людей всерьез задавались вопросом: как бы выглядел мир, одержи верх тогда не Рим, а Карфаген?

Как ни странно, но в большинстве подобных реконструкций события развиваются в худшую сравнительно с реальностью сторону.

Объясняется это, скорее всего, исключительно тем, что и до сих пор симпатии большинства историков остаются почему-то на стороне Рима, в то время как к его противнику относятся с предубеждением.

Поминаются к месту и не к месту людские жертвоприношения в финикийских храмах – как будто Рим не знал гладиаторских боев в честь богов.

Можно услышать и утверждение, что Карфаген был не чем иным, как царством золотого тельца, страной презренных торгашей, своего рода янки античного мира, лишенных каких-либо гражданских чувств и озабоченных исключительно собственным благополучием.

Суровый приговор выносит Карфагену английский католический писатель и историк Г.К. Честертон. По его мнению, пуническая цивилизация была ни чем иным, как цивилизацией «изощренных беспоклонников», где, по его образному выражению, «...рога Сатаны вздымаются не только к звездам, но и к самому Солнцу...»(30,165)

Согласно Честертону, Карфаген воплощал в себе все наихудшее в современном ему мире – слепое поклонение «золоту, насилию и богам, жестоким как звери», этакому культу первичного зла и сил тьмы. Рим же, как он полагал, напротив, воплощал самое лучшее и здоровое, что было на тот момент в античности.

Как полагал почтенный автор детективов о патере Брауне, в случае победы Карфагена, ни много ни мало «хребет мира был бы сломлен» (!?) и, он бы обратился в «бесчеловечный улей»(??).(30,186)

Менее эмоциональные и более объективные оценки Карфагена и его места в истории можно встретить в трудах, как это не покажется странным, самих римлян. Позволим себе привести высказывание видного историографа I в. до н. э. Помпония Мелы: «Пунийцы были мудрым народом, который процветал и в войне и в мире. Они преуспевали в письменности и литературе и в других искусствах, в морском деле, и в военном деле, и в управлении империей» (50,48) ¹²

...Прежде всего, наверное, следует дать читателю некоторое, более углубленное представление о том, что представлял собой Карфаген ко времени Второй Пунической Войны.

В Западном Средиземноморье финикийцы впервые проникли приблизительно в конце II тысячелетия до н. э. По некоторым данным, например, Кадис был основан в 1100 году до н. э. (вскоре после Троянской Войны). По словам римского историка I в. н. э. Страбона, «Финикийцы... еще до гомеровской эпохи завладели лучшей частью Иберии и Ливии(Северной Африки-Авт.)...» Первоначально то были, видимо, небольшие торговые посты, или укрепленные селения, жители которых занимались ловлей пурпураносных моллюсков – собственно, добыча сырья для производства этого драгоценного красителя, и была одной из основных задач финикийских купцов, гнавшей их все дальше и дальше на запад. С течением времени одни

---

¹¹ Рим разрушен. (лат.) Ср. «Carthaginem esse delendam» (Карфаген должен быть разрушен – любимое изречение Катона Старшего.

¹² Известно, например, что Карфаген располагал легендарно богатой библиотекой, сгоревшей при взятии города. Какие сокровища духа погибли тогда – можно, к сожалению только гадать. Зато не вызывает сомнения то, что Рим не имел ничего, подобного такой библиотеке еще многие века.

колонии такого рода по тем или иным причинам прекращали свое существование, другие все больше и больше разрастались. Ко времени основания Карфагена, вернее говоря Карт-Хадашта, ибо Карфаген – римское название города, а произошло это приблизительно в 825 (по некоторым источникам в 814) году до н. э. в Южной Европе и Северной Африке был уже целый ряд процветающих финикийских поселений. Всего лишь в трех десятках километров от Карфагена стоял достаточно большой и сильный город Утика. Как свидетельствуют хроники, известному библейскому персонажу – тирскому царю Хираму приходилось даже посылать карательные экспедиции, дабы получить с него причитающуюся дань.(19,124) Однако, именно Карфаген в течение очень короткого времени возвысился над всеми прочими финикийскими поселениями. К тому времени метрополии – Тир и Сидон, уже утратили не только могущество, но и свободу, став частью Ассирии.

Возвышению Карфагена способствовал ряд обстоятельств. Прежде всего, это крайне выгодное географическое положение, на перекрестке морских торговых путей западной и восточной части Средиземного моря. По этой же причине, карфагенский флот мог легко обеспечить контроль над этими путями, что дало возможность находящимся у власти в городе единолично определять – кто будет допущен на них, а кто нет. Кроме того он, в отличие как от метрополии, так и от большинства других финикийских поселений, мог не опасаться угрозы с тыла – опять таки, благодаря своему удобному положению. Дело в том, что Карфаген стоял на полуострове, к тому же дополнительно огражденном со стороны суши грядой высоких труднопроходимых холмов. Не было необходимости строить сложные оборонительные сооружения в большей мере обособлявшие, нежели защищавшие города древности. И – не забудем – требовавшие на свое создание и поддержание в должном состоянии немалых сил и средств. Достаточно было воздвигнуть надежную стену на перешейке, и можно было не опасаться даже сильного войска, не говоря уже о набегах диких нумидийских племен.

Первым шагом на пути к грядущему величию было объединение ряда бывших финикийских колоний – Гадрумета, Утики, Гиппон-Даирита и некоторых других. Затем, около 665 года до н.э, к союзу была присоединена Малака (город на месте нынешней Малаги), один из старейших городов, основанный примерно в то же время, что и Утика. Карфагенский союз носил черты конфедеративного объединения, в котором все члены имели весьма широкую самостоятельность в делах, представлявшихся главе союза второстепенными.(19,129)

Тут следует уточнить, что о финикийском, семитском характере Карфагена, можно говорить лишь в культурном и религиозном аспектах, но никак не в этническом. Ведь нельзя забывать, что первые поселенцы – тиряне, прибыли на свою новую родину всего на нескольких кораблях, и в дальнейшем, приток людей из метрополии не мог быть сколь-нибудь значительным, из-за крайне ограниченных демографических ресурсов Финикии. Население Карфагена, как и всех иных городов одноименного союза, составляли те, чьими пращурами были осевшие в колонии местные уроженцы (Диодор именует их ливофиникийцами), разноплеменные моряки, торговцы, наемники; и в немалой степени-потомки вольноотпущенников. До нас дошли также сведения о проживавшей в Карфагене многочисленной греческой общине.(13,77)

Довольно быстро Карфаген сосредоточил в своих руках торговлю Средиземномья с северо-западом Европы и Африкой.

Среди карфагенских товаров было оливковое масло и вино, произведения искусных пунийских ремесленников – оружие, ткани, изделия из стекла. В обмен на них из Африки получали золото, слоновую кость, черное дерево, драгоценные камни, звериные шкуры и целебные растения. С севера везли янтарь, серебро, хлеб, соль, рабов и белокожих, голубоглазых рабынь, находивших неограниченный сбыт на рынках Средиземноморья.(97,27) Весьма широко торговал Карфаген различными благовониями, столь ценными в древности. Преуспели его мастера и в изготовлении красок из дешевого растительного сырья.

Но два товара приносили оборотистым купцам Карт-Хадашта особо значительную прибыль, поскольку им практически принадлежала монополия на них. Это, уже упоминавшийся пурпур и столь необходимое для изготовления бронзы олово. Контролируя западную часть Средиземного моря, пунийцы прибрали к рукам торговлю как иберийским, так и британским оловом, что весьма способствовало их обогащению. (19,125)

Город быстро рос. Для снабжения его водой был воздвигнут акведук с горного кряжа Зегуан, длиною в 132 км. Подобное сооружение появится в Риме только спустя почти четыре века, при императоре Клавдии. (19,127)

Свою монополию единолично плавать и торговать в западных водах, карфагеняне защищали жестко и бескомпромиссно. По словам александрийца Эратосфена они «... топили в море корабли всех чужеземцев, которые проплывали мимо их страны в Сардинию, или к Геракловым Столпам...». В дополнение к этому они всячески распространяли слухи, о будто бы в изобилии населяющих этот край Ойкумены ужасных чудовищах. (19,129)

Все это в сочетании с достаточно тяжелыми и опасными условиями навигации в тех водах для тогдашних судов, в течение веков отбивало всякую охоту у кого бы то ни было заплывать западнее Сицилии.

При продвижении на Иберийский полуостров карфагенянам пришлось столкнуться с полумифическим Тартессом. (19,125) Этому царству, хотя оно и не имеет прямого отношения к теме разговора, все-таки, по мнению автора, следует уделить внимание. В отношении Тартесса термин «полумифический», употреблен по той простой причине, что сведения о нем удручающе скудны.

Есть сведения, что Тартесс, или, вернее Тартис (именно так именовали его сами жители), был известен финикийцам задолго до греков, еще в середине II тысячелетия до н.э.

Об этой культуре и ее корнях известно удручающе мало. Одни ученые предполагают, что Тартесс – автохтонная культура, в силу каких то особо благоприятных обстоятельств достигшая уровня, более высокого, нежели остальные иберийские племена. Другие склоняются к мысли, что, по крайней мере, первоначальный толчок ей был дан извне. В качестве кандидатов называют, в частности, эгейских пеласгов, критян, карийцев и ликийцев, египтян, хотя последние и не были слишком большими знатоками мореходного искусства и, наконец, атлантов. Часть исследователей высказывали предположение, что Тартесское царство-наследник какой – либо финикийской колонии, быть может, первой в тех краях, по неведомым причинам попавшей под власть местных племен, и ассимилированной ими. При этом, победители, как это часто бывает, в значительной мере усвоили более высокую культуру побежденных. На это как будто указывают и упоминания в библейских текстах, некоего «Фарсиса», с которым Сидон и Тир вели оживленную торговлю, получая оттуда, в основном, свинец, серебро и олово. При этом, в числе товаров упоминаются и обезьяны – еще донныне в районе Гибралтара обитает небольшая популяция пиренейских бесхвостых макаков. (19,153) Однако, финикийскому происхождению загадочного царства противоречат в частности, указания Страбона на наличие у тартесситов собственной письменности, и находки археологов, обнаруживших на юге Испании следы богатой и своеобразной культуры. (34, 110) Так или иначе, скорее всего окончательного ответа на вопрос – что представляла из себя цивилизация Тартесса, мы уже никогда не узнаем. Возможно, он сгорел вместе с сотнями тысяч свитков карфагенской библиотеки.

Автор склонен согласиться с теми, кто относит культуру Тартесса к чисто иберийским. Вряд ли государство это занимало слишком уж большую территорию; границы, о которых говорится в источниках, могли быть границами области, в которой тартесситы взимали дань с разобщенных племен, или даже того района, на который претендовали их цари. Подобные примеры не редкость в мировой истории. Можно вспомнить, что китайские правители считали себя властелинами всего мира. И потом – разве бы допустило сильное, большое государство чтобы на его территории хозяйничали какие то пришельцы (как мы помним, первые финикий-

ские колонии в этих землях были основаны задолго до Карфагена)? Как бы то ни было, после 600 года до н.э. всякие упоминания о Тартессе исчезают. Царство разгромлено, а его территория вошла в состав карфагенских владений.

Приблизительно около 525 года до н.э. Карфаген начинает активное проникновение за Мелькартовы Столбы на севере и юге. Гамилькон совершил плавание к Британским островам, а Ганнон – вдоль побережья Африки, до нынешней Гвинеи и Камеруна, основав при этом несколько городов, заселенных колонистами из числа карфагенских бедняков.

Это не просто единичные экспедиции – составляются подробные лоции – периплы, с указанием ветров, течений, удобных корабельных стоянок (перипл Ганнона – один из немногих дошедших до нас письменных памятников Карфагена).(34, 102)

С этого времени суда Карт – Хадапта становятся все более частыми гостями в африканских водах.

Пунийцы не раз посещают Азорские острова, вновь открытые только в XV веке от рождения Христова, их «круглые» корабли доходят до земель фризов, и, возможно, даже до Скандинавии. Ряд исследователей обратили внимание на сходство в силуэтах норманнских драккаров и финикийских кораблей.

В Италии их дела идут также весьма неплохо. Карфагеняне заключают взаимовыгодный союз с этрусками, с помощью которых завоевывают острова Ивису и Сардинию, начинают проникновение на Сицилию. Это заняло примерно двадцать лет – с 550 по 530 годов до н.э. (19,156)

Но в целом Карфаген мало занимали итальянские дела. И Рим очень долго не воспринимался ими как потенциальный противник. Да и трудно было предполагать возвышение этого заурядного латинского полиса, не раз терпевшего поражения от соседей, в том числе и от союзных пунийцам этрусков. В конце V века до н.э. его едва не уничтожили галлы, а спустя сто шестьдесят лет Рим с трудом устоял (не без помощи, как уже говорилось, Карфагена) против не слишком многочисленной эпирской армии.

По мере усиления Рима ему стали уделять больше внимания. В 384 году до н.э. Карфаген и Рим заключают договор, по которому римским судам запрещается посещать воды западнее Прекрасного мыса (мыс Фарина на побережье нынешнего Туниса), за исключением случаев, когда их вынудила к этому стихия, или неприятель. Карфаген в свою очередь, брал на себя обязательство не причинять вреда Риму и его союзникам. (19,167)

Но проходит чуть более ста лет, и все меняется.

Рим подчинил себе некогда грозных этрусков(причины упадка этой, прежде великой и своеобразной цивилизации -тема отдельного разговора).

В различной степени зависимость от него попадает большинство государств и племен Италии. Наконец, амбиции римского сената распространились и за пределы полуострова. Столкновение между двумя державами стало неизбежным. Яблоком раздора стала Сицилия, где римляне первоначально выступили заступниками греков.

Разразилась Первая Пуническая война длившаяся двадцать три года, с 264 по 241 год до н.э. Военное счастье не благоприятствовало Карфагену – уже в первый год войны римляне наносят тяжелое поражение карфагенянам и их союзникам сиракузянам (вскоре после этого сиракузский тиран Гиерон II переходит на сторону Рима) Еще через три года римский флот выигрывает сражение при Милах, имея на десять кораблей меньше, чем пунийцы. Поражение тем более обидно, что Рим создал флот уже в ходе войны. До того Вечный город не располагал даже небольшим числом кораблей, а для морской службы привлекал союзников – южно-италийских греков. Успех окрыляет квиристов, и армия консула Регула высаживается на африканском побережье. Карфагеняне без особого труда разбивают ее.

Война длится долгие годы, с переменным успехом. На какое-то время инициатива опять переходит к пунийцам, но в 240 году, в битве у Эгатских островов Карфаген навсегда утрачи-

вает господство на море. В следующем году карфагенский суфлет Гамилькара (Абд-Мелькарта) вынужден подписать мир, по которому карфагеняне оставляют Сицилию, освобождают всех пленных, и сверх того выплачивают огромную контрибуцию. (14, 346)

Поражению Карфагена способствовало одно обстоятельство.

Рим был государством достаточно примитивным сравнительно с пунийским. Но именно архаичность социума совершенно неожиданно сослужила добрую службу квиристам. Основную массу населения составляли свободные крестьяне, проходившие службу в легионах, и Рим располагал значительным количеством более-менее подготовленной живой силы. В то же время основу карфагенской армии составляли наемные контингенты. Богатства пунийской державы привлекали на ее сторону лучших воинов со всего известного мира. До тех пор, пока Карфагену противостояли такие же наемники греческих полисов юга Италии, или племенные ополчения иберов и ливийцев, его армия была непобедима. Но в противоборстве с Римом проявились все слабые стороны наемного войска. Рим располагал огромным резервом обученных воинов, в то время как Карт-Хадашт чем дальше, тем больше испытывал затруднения с комплектованием армии. (14, 344) В определенной мере повторилась ситуация противостояния Македонии и Эллады за век до описываемых событий, когда развитые рабовладельческие полисы проиграли войну с северными соседями именно благодаря многочисленному крестьянскому ополчению македонян.

Вскоре после окончания войны вспыхивает потрясший державу до основания мятеж наемных войск, поддержанный соседними племенами, и даже, на первых порах, городами Карфагенского союза. Он длился почти три года, и был с трудом подавлен Гамилькаром. Воспользовавшись последствиями вышеупомянутого бунта, Рим в скором времени завладевает Сардинией и Корсикой, в то время носившей название Алашия. Сицилия, за исключением клочка земли на юго-востоке, где правят ставшие покорными римскими вассалами Сиракузы, тоже превращена в провинцию.

Между первой и второй войнами проходит более двух десятков лет.

Все эти годы, Карфаген исподволь восстанавливает пошатнувшееся могущество.

И вот наступает 241 год, когда во главе Карфагена становятся сыновья Гамилькара – Ганнибал и Газдрубал. И начинается Вторая Пуническая.

Ганнибал, во главе насчитывавшей порядка восьмидесяти тысяч человек армии, двинулся из Иберии на Апеннины.

Не будем останавливаться на подробностях этого тяжелейшего марша через зимние Альпы, растянувшегося не на один месяц, в ходе которого еще приходилось сражаться с враждебными племенами. Но вот войско вступило в Италию. И почти сразу, в двух битвах – при Требии, и у Тразименского озера, уничтожены почти полностью две армии, спешно снаряженные римлянами.

С востока Риму угрожают флоты илирийского царя Скердиледа, и македонского государя Филиппа V. Рим поставлен перед реальной угрозой смертельной для него войны на два фронта. (19, 205)

Наконец, осень 216 года – величайший триумф Ганнибала – Канны.

Почти все войско консула Варрона погибло на поле битвы, – только сенаторов пало 80 человек. При этом потери Ганнибала десятикратно меньше римских. А ведь у Ганнибала было около семидесяти тысяч воинов, против примерно девяноста у римлян, и многие бойцы в его войске не имели даже щитов. (14, 364)

Как никогда Карфаген близок к победе; колеблющиеся чаши весов вот-вот окончательно опустятся, под тяжестью меча сына Баала.¹³ Казалось, еще одно маленькое усилие – и Рим исчезнет навсегда с лица земли.

---

¹³ Имя карфагенского полководца можно перевести именно так (ср. Арабское имя Абдаллах – дар Аллаха)

На военном совете в Каннах обсуждается вопрос о дальнейших действиях. В конце концов суфлет соглашается с мнением большинства, и решает отложить поход на вражескую столицу. Армия уходит в союзную Капуя. Сам еще не зная того, великий полководец подписал приговор и самому себе, и горячо любимому городу.

С этого момента судьба окончательно отвернулась от Карфагена.

Пока армия их страшнейшего врага отдыхает в благодатной Капуе, постепенно оправившиеся от недавнего ужаса римские сенаторы начинают активно действовать. Помня о Тразимене и Каннах, римляне стараются избегать крупных сражений, предпочитая наносить мелкие уколы. Одновременно они ставят в строй всех, кто только может держать оружие, собрав почти двухсоттысячную армию. С помощью тайной дипломатии активно расшатывается антиримская коалиция. (14, 371)

Одни союзные Карфагену города переходят на сторону римлян, другие уничтожены. Шаг за шагом Ганнибал отходит к югу... Новая напасть – чума выкашивает треть карфагенского войска.

В 211 году пали Капуя и Сиракузы (именно тогда погиб знаменитый Архимед). Флот, посланный Македонией весь уничтожен, иллирийцы также разрывают союз с Карт-Хадаштом. Наконец – самоубийственная глупость и зависть карфагенских правителей к великому соотечественнику приводит к тому, что он почти не получает помощи. Римляне вновь, как три десятка лет назад, высаживаются в Африке. У города Замы терпит жестокое поражение прежде непобедимый Ганнибал. В 202 г до н.э. Карфаген подписывает мир. Он лишается всех своих владений в Испании, ему запрещено иметь флот, кроме десятка сторожевых судов, и даже боевых слонов. (44, 174)

Немалая часть его африканских владений достается бывшим нумидийским союзникам, вовремя перешедшим на сторону Рима.

Это был конец, хотя последний акт драмы будет сыгран только столетия спустя.

К тому времени Рим стал господином почти всего Средиземноморского мира. Поглочена Цизальпийская Галлия. Разбита прежде непобедимая македонская фаланга и Македония, а с ней и вся остальная Греция стали римскими провинциями.

...Когда римские войска подошли к стенам Карт-Хадашта, жителям его был предъявлен ультиматум, в числе требований которого, было – покинуть город, и впредь селиться не ближе двадцати семи километров от моря. В этом случае им великодушно было обещано сохранить их государство, разумеется под контролем победителей. Карфагеняне, готовые согласится почти со всеми пунктами ультиматума, отвергли это требование. Они очень любили свой город. (19,210)И началась последняя – Третья пуническая война. Война мировой империи против одного единственного города. На сторону Рима перешли все прежние союзники Кафагена во главе с Утикой. Впрочем, трудно их осуждать – пословица, что сила солону ломит, была актуальна во все времена. Рим активно поддерживала Нумидия. ¹⁴

И несмотря на все это, война длилась три года. Война – и это было ясно с самого начала всем, без надежды, даже без тени ее, на победу, даже просто на пощаду. И тем не менее жители Карт-Хадашт вступают в нее, с самого первого дня зная, что обречены. Немного найдется в истории примеров подобного мужества. ¹⁵

---

¹⁴ Всего через несколько десятков лет у ее жителей будет возможность пожалеть о столь опрометчивом выборе союзников – когда тысячи нумидийцев во главе с царем Югуртой проведет в цепях по улицам Рима Гай Марий, а сама Нумидия будет расчленена.

¹⁵ Историк Отто Игер написал в этой связи: «Этот народ, о котором, если рассматривать его в частности, можно немало сказать достославного, показал теперь, что кроме материальных благ (к приобретению которых он так неутомимо и беспощадно стремился в течение целых столетий) ему доступно было нечто высшее, облагораживающее человеческую природу – его национальная честь».

Итак, попробуем реконструировать возможное развитие событий, в случае, если бы военное счастье оказалось бы на стороне Карфагена.

Вернемся в 216 год до н.э., или 538 год от основания Рима, ко дням, последовавшим сразу за битвой при Каннах. Путь к вражеской столице практически открыт, войск у Рима, по сути дела не осталось. Перед Ганнибалом, как мы помним, стоит дилемма: или немедленно идти на ненавистный Рим или, действуя, как кажется многим, наверняка, вначале дать отдых своим войнам, подтянуть резервы и только потом добить врага окончательно. На военном совете большая часть военачальников высказываются за второй вариант, однако суфпет все еще не принял решения.

Наконец, после долгих тщательных размышлений, взвесив все за и против, полководец, несмотря на возражения большинства соратников, отдает приказ – продолжать наступление.

Армия Ганнибала подходит к стенам Рима, и берет его в кольцо. Панический клич первых месяцев войны – «Ганнибал у ворот!» превращается в констатацию факта.

Многие союзники Рима, и без того колеблющиеся, поспешили перейти на сторону пунийцев, окончательно уверовав в непобедимость Ганнибала.^(30, 188) Присылают воинов даже прежде покорные потомкам Ромула этруски. Со стороны Адриатического моря подходят высадившиеся на побережье македонские войска, поддерживаемые иллирийскими отрядами. Ганнибал освобождает и вооружает итальянских рабов – подобным образом поступал его отец во время войны с наемниками. Солдат его воодушевляет надежда на богатую добычу. Наконец, и сенат Карт – Хадашта, видя реальную возможность раздавить врага навсегда, несмотря на заседающих в нем многочисленных противников рода Баркидов, откликается на настойчивые просьбы суффета и выделяет золото и продовольствие, необходимые для армии.

Одновременно пресекаются попытки римских военачальников собрать войска с тем, чтобы деблокировать Рим. Бывшие римские союзники опустошают вражеские колонии, созданные на отобранных у них землях, таким образом лишая еще сражающиеся легионы материальных, а главное – людских ресурсов.

Армия Сципиона в Иберии скована действиями Газдрубала и не в состоянии прислать даже небольшого подкрепления.

Рим обречен – как уже было сказано, после Канн в Италии не осталось боеспособных войск. Спасения ждать неоткуда.¹⁶ Тщетно квиристы молят Юпитера о заступничестве, тщетно вопрошают авгуры и приносят многочисленные жертвы.

Наконец, подготовка к штурму завершена, и в один из осенних дней 216 года до н.э. армия Ганнибала идет на приступ римских стен.

Несмотря на отчаянное сопротивление обороняющихся, в число которых вместе с мужчинами, встали женщины, старики и дети, пунийцы, пусть и ценой огромных потерь, захватывают город. Через несколько дней падет последний оплот защитников города – Капитолийский холм.

Вскоре взяты последние, ожесточенно сопротивляющиеся римские крепости; находящиеся в Испании войска также полностью разгромлены и пленены.

Ганнибал, с полного согласия властей Карфагена и одобрения союзников, принимает решение навсегда уничтожить Рим. Неизвестно, были бы произнесены по этому поводу слова: «Рим должен быть разрушен», вошли бы они в историю, стали бы цитируемы потомками к месту и не к месту – но то, что они означают, исполнено со всем возможным старанием.

Остатки «Вечного города» сжигают и разрушают, оборонительные сооружения сносят, а место, где он стоял, перепахивают, символически бросая в землю соль, дабы даже трава не

---

¹⁶ Хотя многие современные историки полагают, что у Ганнибала не хватало сил для подобных действий, однако сами римляне – те же Тит Ливий и Орозий, полагали, что в тот момент их спасла только эта нерешительность Ганнибала, а вовсе не недостаток сил у пунийцев, и тем более – не «римское доблести».

росла на месте, где стояли стены самого упорного врага пунийцев. Уцелевшие жители обращены в рабов, а владения частью отошли принимавшим участие в войне на стороне Карт-Хадашта италийским государствам, частью обрели независимость. Земли, непосредственно прилегающие к бывшему Риму, объявляются неприкосновенными. Отныне больше никогда на этом месте не будет человеческого жилья.¹⁷

С триумфом (впрочем, слову этому уже не суждено войти в языки многих народов), в ореоле славы победителя главного врага пунийцев, угрожавшего самому существованию державы, спасителя отечества, с богатой добычей Ганнибал возвращается в Карт-Хадашт. Коротко скажем о возможной дальнейшей его судьбе. Как известно, олигархи всегда с подозрением относились к этому выдающемуся человеку в конце концов, в нашей реальности, чтобы свергнуть его обратились к римлянам за помощью. Однако не так просто бороться с победителем смертельного врага Карфагена, ставшим необыкновенно популярным в народе, и за которым, вдобавок, стоит преданное ему войско. К тому же и среди высшего сословия насчитывается немало его сторонников. После долгих, запутанных интриг Ганнибала, сохранившего, правда, должность суффета, с почестями отправляют куда-нибудь подальше от столицы, например в Испанию, под тем благовидным предлогом, что необходимо продолжить завоевание полуострова.

Разгром и уничтожение Римского государства совершенно меняет обстановку не только на западе Средиземноморья, но и во всем бассейне и, разумеется, совершенно меняет все дальнейшее развитие сначала Европы, а затем, само собой, и всего остального мира. (13,79)

Как ни странно, можно встретить и суждение, что никаких принципиальных изменений бы не произошло, и Карфаген, в общем и целом, взял бы на себя роль Рима. По мнению видного советского историка Г. Федорова-Давыдова «история человечества практически ничего не почувствовала бы», разве что в Испании и Южной Франции говорили бы на языке, происходящем от пунического, подобно тому, как нынешние языки тамошних жителей происходят от латинского(16,Т2,39). Сходной точки зрения придерживается и В. С. Поликарпов. Согласно ему, в Европе и Азии возникла бы, на месте Римской, Карфагенская Империя, может быть, организованная на несколько других принципах.(13,75)

Примерно также считал и автор одной из лучших биографий Ганнибала – И.Ш Кораблев. По его мысли, целью пунийцев было «создание „мировой“ державы, которая бы охватила всю известную ойкумену, с центром в Карфагене». (44,179)

Автор думает совершенно иначе, и попробует доказать свою точку зрения ниже.

Прежде всего рассмотрим вопрос – мог ли Карфаген пойти по пути Рима в деле строительства мировой империи? Как представляется, на него можно дать вполне уверенный отрицательный ответ. Данный вывод можно без особого труда обосновать как всем предыдущим характером развития пунийской цивилизации, так и основными целевыми установками политики карфагенского правящего класса.

Прежде всего, Карфаген вовсе не привлекает идея завоевания Италии, как это утверждает, например, Поликарпов, тем более, что для этого потребовалась бы новая война – на этот раз уже со своими вчерашними союзниками. Совсем другое дело Сицилия. Именно за право обладания этим богатейшим островом, как мы помним, и началась первая война меж Карфагеном и Римом. Остров становится безраздельным владением пунийцев. Этруски хотя и восстановили свою государственность, уже не в состоянии вести хоть в какой-то степени самостоятельную внешнюю политику и фактически переходят под протекторат Карфагена.

Остальная Италия очень быстро погружается в хаос междоусобиц, больших и малых войн между образовавшимися здесь после исчезновения Рима небольшими государствами.

---

¹⁷ Таково было весьма распространенное в древности наказание для вражеских городов, и именно так поступили римляне в отношении самого Карфагена.

При этом, пунийцы, наученные горьким опытом, бдительно следят, чтобы на Аппенинах не появился потенциальный конкурент.

И, разумеется, практичные жители Карфагена не забывают обеспечить себе режим наибольшего благоприятствования в коммерческих делах на италийских землях. Вместе с тем Карфаген не склонен оставлять в беде своих союзников по общей борьбе. Например, когда через сто лет после Ганнибала, в Италию вторгаются многочисленные германские и кельтские племена, пунийцы активно помогает отразить нашествие.

Карфаген не стремится, как это делал Рим, навязать свою политическую структуру народам контролируемых территорий. Избран несколько другой путь достижения политического и экономического господства. Карфаген осуществлял лишь, своего рода, верховный протекторат над ними, имеющий цель извлечения наибольших материальных выгод. Заключаются договоры с местными племенами, в соответствии с которыми пунийцы получают право свободной торговли на этих территориях, доступ к их рудным богатствам, права покупать землю и создавать латифундии и т.д.(13,79)

Но все внутренние дела остаются на усмотрение местной аристократии, которой оказывается заметное уважение.

Можно вспомнить, что уже Ганнибал и Газдрубал вступили в брак с дочерьми иберийских племенных князей (44,32).

Это были по всей видимости чисто политические союзы, обусловленные текущим моментом, но все же этот факт свидетельствует о достаточно высоком, в глазах карфагенян, статусе туземной знати.

Во всяком случае, ничего подобного бракам между высшими римскими аристократами и представительницами иноплеменной верхушки, в истории не было зафиксировано почти до самого конца империи. Такое было просто невысказано. Одним из пунктов обвинения, выдвинутых Октавианом перед сенатом против Антония, была его официальная свадьба с Клеопатрой (на что не решился даже Цезарь).

Если подбирать аналогии, то колониальная политика пунийцев схожа не с римской, а с той, которую вели уже в новое время Венеция и Генуя, предпочитавшие держать под контролем торговые пути и порты, избегая больших войн, и не стремясь к захвату как можно большей территории любой ценой.

В конце III-начале II века до н.э, Карфаген вполне мог бы вмешаться в разгорающуюся в Греции борьбу греков за освобождение от власти македонян. Не вооруженной силой – деньгами, оружием, может быть, дипломатической помощью. Но только если бы имел достаточно веские основания выступить против своего бывшего союзника.

Война вообще не слишком популярный у властей старинного купеческого полиса метод решения проблем. Во внешней политике карфагеняне предпочитают действовать проверенными методами, знакомыми еще их финикийскими предками.

Это подкуп, интриги, и – не в последнюю очередь – пиратские эскадры, разоряющие берега чем – либо не угодивших ему стран.(19,57)

Но в целом, восточное направление, как и прежде, не слишком занимает карфагенских олигархов. Гораздо больше их интересует Африка, с ее не поддающимися исчислению богатствами и, притом, практически полным отсутствием конкурентов в лице хоть каких-нибудь, пусть даже и плохоньких государств.

Проникновение осуществляется двумя путями – морем, путем, проложенным еще несколькими столетиями раньше Ганноном, и по суше – древними караванными тропами Сахары, также неплохо знакомыми Карт-Хадашту.

С этой целью карфагеняне развивают добрососедские и взаимовыгодные отношения с царством берберского народа гарамантов (предков нынешних туарегов) в Центральной Сахаре.

Гараманты доставляли из тропической Африки к побережью рабов, драгоценные камни и страусовые перья. Весьма большой доход приносит соль, добываемая в сахарских коях и озерах.

Морем карфагеняне продвигаются все дальше на юг, до экваториальных областей Африки и за экватор. Купцы, в поисках рабов слоновой кости, золота, и других даров Черного континента ведут свои корабли к устью Конго и к берегам нынешней Анголы, доходя даже до южной оконечности Африки.

На противоположном – северном направлении, дела Карт-Хадашта также идут довольно успешно.

В поисках новых рынков карфагеняне организуют все новые крупные морские экспедиции. Их корабли пристают к берегам Арморики – нынешней Бретани, Белгики, проходят Ла-Манш и Северное море, добираясь до устья Рейна и Эльбы, осваивают Балтийское море. Карфагенские купцы являются частыми гостями в землях скандинавов, балтов, эстов, привозя из восточной Прибалтики так ценимые в древности янтарь и меха.

Создаются все новые колонии в Северной Испании и на Британских островах, превращающиеся в центры торговли с севером Европы и Ирландией. При этом карфагеняне не стремятся к полному подчинению всех этих территорий, как в нашей истории действовали римляне; колонизация, скорее, напоминает греческую, при которой собственно пунийская территория обычно ограничивается пределами города, и ближайших окрестностей.

Пуническое влияние распространяется все шире среди народов западной части Средиземного моря.

Наряду с ливофиникийцами появляются иберофиникийцы и кельтофиникийцы, как в нашей истории появились, скажем, галло-римляне. Финикийская культура и религия приобретают немало приверженцев в Испании (55,81). И возникшая иберийская письменность так же берет за основу финикийский алфавит.

Нумидия, где карфагенское влияние все более укрепляется, становится даже не союзником, а вассалом. Пунийский язык приобретает статус государственного, знать вовсю подражает нравам и обычаям северного соседа.

Ядро карфагенских вооруженных сил составляют союзные берберы. Ведь во время сражения при Каннах в армии Ганнибала состояло на службе около двенадцати тысяч выходцев из этих мужественных племен. Они находились на направлении главного удара, и их действия решили исход сражения.

Вассалом Карфагена становится и его давний греческий конкурент – Массилия (нынешний Марсель). Через нее осуществляется торговля с галлами и германскими племенами, через нее они знакомятся с карфагенской и греческой культурой.

Карт-Хадашт мог бы – если бы счел целесообразным, подчинить себе и лежащие к востоку от Туниса полисы Киреаники, причем сделал бы он это не прибегая к оружию – одной только силой своего влияния, неизмеримо возросшей.

Развиваются и набирают силу синкретические ¹⁸ процессы. Пунические боги постепенно все больше отождествляются с греческими, египетскими, италийскими, иберийскими. Еще в договоре, заключенном между Ганнибалом и македонским царем Филиппом V, клятва со стороны карфагенян содержит имена не только пунийских, но и соответствующих им греческих богов.(13,77)

Можно предположить, что религия карфагенян постепенно смягчалась бы, исключив из практики человеческие жертвоприношения, если и не в догматах, то явочным порядком.

---

¹⁸ Синкретизм – смешение, слияние различных культов и религиозных систем, в частности характерное для поздней античности.

Экономически Карфаген остается вне конкуренции. Из африканского золота и испанского серебра чеканится монета, обращающаяся на пространстве всего Средиземноморья и даже за его пределами. Торговые связи карфагенских купцов протягиваются буквально во все концы известного мира – от Южной Африки до Индии, и от Скандинавии и Балтики до скифских степей, и даже до Китая.(13,84)

Необыкновенно продуктивное сельское хозяйство позволяет Карфагену сосредоточить в своих руках торговлю продовольствием едва ли не во всем Средиземноморском бассейне. Сицилия становится мировой житницей.

Как известно, именно пунийцы завезли в Северную Африку оливки и виноград, которые распространились по всему Магрибу и попали в Испанию, где, как известно, хорошо прижились и выращиваются до сих пор. Из Древней Финикии сюда пришло искусство террасирования холмов и поливного земледелия.

Чтобы дать читателю представление – насколько высокоразвитым и продуктивным было карфагенское сельское хозяйство, достаточно привести две цифры: после Второй Пунической войны Карфаген в течение одного года поставил в Рим в качестве контрибуции 500 тысяч александрийских центнеров пшеницы и 300 тысяч центнеров ячменя, и это не привело ни к малейшим затруднениям в снабжении продовольствием местного населения.(104)

От поставок хлеба из карфагенских владений во многом зависят города Греции и Италии, и пунийцы, разумеется, не упускают возможность при случае воспользоваться этим фактором как дополнительным рычагом политического давления.

Развивается культура. В Карфагене существует немало библиотек, где собраны книги на языках всех народов Средиземного моря. В них можно найти и отчеты о морских путешествиях, сочинениями историков, труды по философии, среди которых почетное место занимают сочинения Газдрубала Клитомаха – широко известного пунийского философа, прославившегося далеко за пределами своего родного города, и возглавлявшего одно время философскую школу не где-нибудь, а в Афинах(16,Т2,412). Повсеместно за пределами пунийских земель ценятся учебники по агрономии Гамилькара и Магона, причем последний составляет 28 томов.

Пунийцы активно впитывают все ценное, что создано другими народами, прежде всего эллинами.

С течением времени Карфаген испытывает все большее воздействие греческой культуры. Можно вспомнить, что даже суровый монотеизм и этническая замкнутость древних евреев не смогли воспрепятствовать проникновению в их среду греческого влияния и эллинизации значительной их части. Тем более не может устоять перед обаянием высокой культуры Эллады Карфаген, с его открытостью и терпимостью. Вместе с тем, в основе своей цивилизация его остается все же финикийской, и греческое влияние не становится определяющим.

Благодаря царящим в его стенах свободомыслию и толерантности, Карт-Хадашт притягивает ученых со всего античного мира.

Вспомним, например, что афинский астроном Аристарх Самосский, выдвинувший идею, что Солнце не божество, а шар раскаленной материи, и создавший первую гелиоцентрическую систему мира, был обвинен в безбожии, и был вынужден бежать из родного города. (52,147)

Можно предположить, что люди, высказывавшие аналогичные идеи без труда смогли бы найти себе убежище в прагматичном и веротерпимом Карфагене.

Больших успехов достигает медицина – ведь в Карфагене не действует религиозный запрет на анатомическое исследование человеческого тела, характерный для греческого мира.

Вообще, говоря о судьбе науки в Карфагене, следует обратить внимание на одно обстоятельство. Как известно, наука античного мира была обычно весьма далека от реального применения результатов своих поисков.

Из греческих ученых, пожалуй, только один Архимед активно пытался использовать науку для практических нужд.

Римляне также весьма мало интересовались техникой, предпочитая захват двуногих «средств производства» на войне.

А в условиях, когда римского влияния нет, не исключено, что соединение эллинской науки с финикийским практицизмом способствовало бы значительному техническому прогрессу уже в то время.

Кроме средиземноморского, имеет место заметное африканское влияние. Африканцы и потомство от смешанных браков с ними составляют немалую часть жителей. (При раскопках могильников на месте Карфагена, были найдены многочисленные скелеты негроидного типа.) (13,79)

Уже к концу III – началу II века до н.э. Карт – Хадашт становится крупнейшим экономическим, политическим и культурным центром средиземноморского мира, затмив собой древние Афины и молодую Александрию.

В это же время на востоке Средиземного моря продолжается противоборство эллинистических монархий, где правят династии потомков приближенных Александра Македонского – диадохов.

Наиболее сильным из них является Сирия, управляемая наследниками Селевка Никантра и владеющая обширными территориями в Месопотамии и Аравии.

Держава Селевкидов претендует на полную гегемонию в регионе, но сама оказывается подточенной внутренними смутами, самая долгая из которых – война Маккавеев, которым на определенном этапе оказали содействие римляне. В нашей истории она привела к образованию независимого Израильского царства. В данном варианте событий иудейские повстанцы, лишённые поддержки извне, разбиты, но их борьба приближает крах одной из сильнейших эллинистических монархий.

Между тем, на востоке от ее границ возникает и поднимается могущественное Парфянское государство. В отсутствие Рима и при полном равнодушии Карт-Хадашта, оно без особого труда поглощает Сирию и большую часть Малой Азии – Пергам, Каппадокию, Вифинию, Фригию, раздвигая свои границы до пределов бывшей Персии Ахеменидов. Позже с помощью киликийского флота, к Парфии присоединен и Кипр. (68,Т3,346)

Затем приходит черед Египта, и примерно в то же время, когда в нашей истории он превратился в римскую провинцию, в Александрии усаживается наместник ктесифонских царей.

Таким образом, парфянским оказывается все юго-восточное Средиземноморье.

Присоединение этих обширных богатых и многолюдных земель, в которых господствует греческая культура, кроме всего прочего способствует дальнейшей эллинизации самой Парфии, меняя ее дальнейшую судьбу.

Если в нашей реальности к власти пришла, в конце концов, национальная персидская династия Сасанидов, превратив Парфию в Иранскую империю, то в данном случае эллинизм мирно завоевывает большую часть населения, во всяком случае – верхи и горожан.

...Примерно к началу первых веков нашей эры иберийские народы, достаточно окрепнув, изгоняют карфагенян с полуострова. Карфагенские колонии на побережье захвачены, богатые рудники также перешли под контроль местных правителей. Вдобавок, иберы создают внушительный флот, что позволяет им угрожать торговле со странами за Гибралтарским проливом. Пунийцы, разумеется, всеми силами пытаются вернуть утраченное, но вряд ли судьба послал бы им второго Ганнибала. К тому же, значительная часть иберов прошла хорошую воинскую школу в армии самого Карфагена, ведь с III века до н.э. они составляют едва ли не большую часть сражающихся под его знаменами наемников. Однако почти вся Северная Африка, Сицилия, Сардиния и Корсика, вместе с Балеарскими островами остаются карфагенскими. И по сию пору там говорят на пунических языках, (сегодня на подобном языке говорят мальтийцы).

Что же до африканских колоний Карт-Хадашта, то со временем вокруг них могла сформироваться особая цивилизация, подобно тому, как через полторы тысячи лет, на востоке Африки, на основе арабских поселений, возникла афро-мусульманская культура суахили.

Наконец, нельзя не упомянуть о двух замечательных, своеобразных цивилизациях, которые, несомненно, возникли бы при отсутствии римской экспансии. Это кельтская на западе и фракийская – на востоке Европы.

И галлов, и фракийские племена (даков, гетов, медов) всегда принято было считать не более чем варварами.

Между тем, мнение это целиком обязано своим существованием тому, что в сочинениях римских и отчасти греческих историков и кельты, и фракийцы предстают не более чем темными, донельзя примитивными дикарями. Однако это далеко не так. В данном случае, как это не раз бывало, победители не упустили случая лишний раз растоптать побежденных.

Именно кельты первыми на европейском континенте научились выплавлять железо. Мало кто знает, что именно кельтская сталь долгое время шла на знаменитые римские мечи. Изделия кельтских ремесленников славились по всему Средиземноморью (до сей поры они поражают археологов удивительным мастерством исполнения и отделки).(107,201) Можно также вспомнить, что горное дело у кельтских племен стояло на уровне, недостижимом для остальной Европы, а их корабли незадолго до нашей эры превосходили римские аналоги.(19,284)

Только в ходе Галльских войн Цезаря, его легионеры уничтожили 800 городов, иные из которых по размерам были сопоставимы с тогдашним Римом. Быть может, города эти по своей роскоши и убранству значительно уступали античным. Но ведь не будем забывать, что и сам Вечный город еще при императоре Августе (как следует из его собственных слов) был в основном глинобитным и кирпичным, а лучшими архитекторами почти все время существования Римской Империи оставались греки. (107,88)

В качестве иллюстрации к данному тезису, можно, например, указать на то что добыча, взятая римлянами в Галльских войнах была столь велика, что позволила Юлию Цезарю выплатить каждому из своих почти ста тысяч легионеров по двадцать четыре тысячи сестерциев.(33,91) В нищих деревушках первобытных общинников – именно так в глазах большинства читателей наверняка выглядела дикая Галлия, куда Рим принес свет цивилизации, такую добычу просто неоткуда было бы взять.¹⁹

И если римлянам все же удалось относительно быстро, хотя и не так уж легко и просто покорить кельтов, то достигнуто это было практически исключительно благодаря непреодолимой разобщенности и многолетнему соперничеству между многочисленными племенами Галлии и Британии, чем и не преминули воспользоваться римляне, используя одни племена и кланы против других.

И с неизбежностью в галльских землях в первые века нашей эры возникают несколько больших государств, сформировавшихся на основе племенных союзов. Быстро усваивая все полезное от финикийцев, греков, а в Цизальпийской Галлии – от италиков и этрусков, кельты создают весьма высокоразвитую цивилизацию.

То же самое можно сказать и о фракийцах. Первые государства фракийских племен возникли еще в VI – V веках до н.э. И это, как свидетельствуют историки, было достаточно мощное царство, с развитой социальной организацией, а не просто примитивные племенные княжества.

---

¹⁹ К сожалению, большая часть наших современников представляют себе кельтов в образе двух мускулистых кретинов в полосатых штанах – Астерикса и Обеликса, из одноименного французского фильма, управляемых такими же тупоумными вождями и заросшими мхом друидами. Сам Юлий Цезарь был несколько иного мнения – во всяком случае, по его настоянию вожди лугдунских галлов были пожалованы в сенаторы, и введены в состав высшего органа власти Рима.

В трудах Ксенофонта содержится упоминание о большом числе городов на территории древне-фракийской державы, известны также многочисленные образцы изделий фракийских ремесленников, не уступающие по мастерству аналогичным греческим и римским того времени. Чеканилась своя монета, наряду с греческим алфавитом употреблялась и собственная письменность. Союза с державой одриссов (по названию главной народности) искали равным образом, и Афины, и скифы, а позже, и сам Рим, до тех пор, разумеется, пока не счел более удобным и выгодным уничтожить ее.(112,89)

При отсутствии римской экспансии фракийское государство продолжало бы свое развитие, объединив вокруг себя большую часть Балкан. Эта страна с развитой культурой, включавшей в себя как собственные, так и греческие элементы, кроме всего прочего, стало бы своего рода наставником для родственных восточнославянских племен.

...Спустя пять с лишним столетий после великой победы Ганнибала, античному миру пришлось бы испытать тяжкие бедствия, вызванные Великим переселением народов. Однако, в рассматриваемом нами «*orbi non urbi*», ²⁰ последствия его не были бы столь катастрофическими, как в реальности, когда цивилизация в Европе была практически сметена.(13,83) Прежде всего потому, что на пути гуннов, готов, франков и вандалов, оказались бы не провинции, разоренные долголетним господством прогнившей к тому времени до мозга костей Римской Империи, населенные, в основном, замордованными полурабами – колоннами и защищаемые разложившимся наемным войском.

Захватчикам пришлось бы иметь дело с молодыми, находящимися на подъеме государствами кельтов, иберов, даков и германцев, где каждый взрослый мужчина был бы воином, готовым до последнего защищать свой дом и землю...

Здесь автор позволит себе закончить рассказ о мире, где Рим был разрушен. В противном случае, пришлось бы окончательно порвать с научным подходом и перейти к чистой беллетристике. Однако, поскольку всему приходит свое время, можно с достаточной уверенностью предположить, что пришло бы время, и норманнский, а может быть кельтский мореплаватель обнаружил бы земли по другую сторону Атлантического океана; какойнибудь потомок галлов либо италиков – изобрел паровую машину, кто-то еще – скажем, грек, открыл бы электричество, какой –нибудь славянский князь или воевода покорила бы Сибирь...

«Молох пожрал своих детей!» -патетически восклицает Честертон, завершая рассказ об уничтожении Карфагена, подразумевая: иначе, мол, и быть не могло.(30,196) Любопытно: в каких именно выражениях обосновал бы неизбежность и закономерность гибели дикого и варварского Рима британский автор, живший во второй половине ХХІХ века от основания славного города Карт-Хадашт?

---

²⁰ «Мир без города» – парафраз преамбулы сенатских указов – «*urbi et orbi*» «городу и миру»

Последний великий эллин

В истории немало событий и явлений, находящихся как бы в тени официальной науки, но тем не менее имевших колоссальное значение для развития всего человечества, определивших ход событий на многие столетия, и даже тысячелетия вперед.

Одной из таких почти не привлекавших внимание исторических альтернатив, остается существовавшая во второй половине I в. до н.э. возможность победы широкой антиримской коалиции, возглавляемой Понтийским царством. Альтернатива, связанная прежде всего с именем Митридата Эвпатора – его базилевса.

По словам видного немецкого историка Освальда Шпенглера «...борьба между Римом и эллинизмом... была доиграна при Каннах...»(39,401)

Однако, это не так. Спустя почти полтора века после Канн, спустя десятилетия после того, как исчез с лица земли Карфаген, а Афины и Коринф стали провинциями Вечного Города, уже, казалось, безвозвратно угасающий греческий мир дал последний бой римскому владычеству.

Под знаком этого противоборства прошло несколько десятилетий, и все значимые события в тогдашнем античном мире, так или иначе связаны с этим противостоянием: Союзническая и Гражданская войны в Риме, диктатуры Суллы и Мария, знаменитое восстание Спартака – все это так или иначе завязано на деяния и намерения понтийского властелина.

Об этом великом – без всякого преувеличения – человеке широкой публике известно мало, да и то, что известно, не может не вызывать сомнений.

И неудивительно – пожалуй, он, как никто, был оболган римскими историками и их позднейшими последователями, из трудов которых мы вынуждены черпать все сведения о нем. Что же касается мнений его друзей, союзников и ли просто его придворных историографов и летописцев, то их просто нет.²¹

Если за Ганнибалом, и даже за вождем восставших рабов – Спартаком, квирические хронисты, пусть и со скрежетом зубовным, но признавали определенные достоинства, то этого человека изображают каким-то чудовищем. Так зло писали разве что о Калигуле и Нероне.

Да и в трудах современных римских подголосков классической школы, по понятной причине в основном немцев (от Моммзена до Бенгтсона), войны, которые он вел с Римом, подаются как борьба благородного несущего цивилизацию Запада с диким Востоком.

Сам же понтийский царь именуется не иначе как «султан», воплощающий в себе все азиатские пороки: «грубый, сладострастный, вероломный, беспощадный, суеверный, жестокий» (61,Т.2, 251), которым двигало исключительно стремление к захвату как можно большего количества сокровищ и все новых земель (у Рима, разумеется, цели были совсем другие – исключительно справедливые и благородные).

Митридату приписывают собственноручное убийство матери, младшего брата (относительно последнего вообще-то есть некоторые сомнения – а был ли мальчик?), трех дочерей и двух сыновей, трех сестер, из которых одна – еще и была его супругой (опять таки – в одних источниках говорится, что она была казнена по обвинению в заговоре, в других, что он «устранил ее с помощью яда»(67, 303). Наконец – что он собственноручно заколол кападокийского царя при личной встрече. Приводятся и совершенно фантастические и неправдоподобные факты.²²

---

²¹ Даже хронология его войн не вполне достоверна. Вообще у римских историков не так много трудов, посвященных тем событиям. Словно бы этот человек, с которым вели напряженную войну три талантливейших римских военачальника – Сулла, Лукулл и Помпей, был для квиритов чем-то вроде персоны «non grata».

²² Например, римские историки пишут, что в личных покоях Митридата непрерывно находились конь, олень и бык, чтобы предупреждать о всех возможных опасностях (?)

При этом противники признают, например, его любовь к искусству, и то, что собранные им коллекции (например, коллекция гемм, позднее вывезенная в Рим, как трофей), свидетельствуют о тонком художественном вкусе.

Много говорят о его огромной физической силе и выносливости, неутомимости в обжорстве, пьянстве и гаремных утехах и очень мало (и сквозь зубы) – о его политической деятельности, имеющей целью создать единый фронт против римской агрессии на Ближнем Востоке. Что касается его армий, то они изображаются как толпа пестро разодетых варваров, способных одерживать победы только при подавляющем превосходстве, да и то только случайно, и готовых бежать при первой неудаче.

Эта неприязнь, переходящая в ненависть, вполне объяснима.

Митридатовы войны – последний случай, когда кто-то бросил Риму вызов, кто-то не просто отбивался от нападения, или тщетно пытался отвоевать свободу, но всерьез замахнулся на то, чтобы сокрушить его мощь.

Тем не менее, по сочинениям современников, и благодаря изложенным ими – даже тенденциозно истолкованными фактами, все же можно восстановить подлинную картину этого противостояния.

Умный и талантливый политик, вдобавок – образованнейший человек своего времени, Митридат в короткий срок создает державу, своей величиной и могуществом соперничающую с Римом, при этом скрепленную не одними лишь железом и кровью.

Вся его судьба до удивления напоминает судьбу его великого предка – Александра. Та же ранняя и таинственная смерть отца, те же сложные отношения с властолюбивой и непреклонной матерью, то же прекрасное начало и благородные мечты о справедливом царствовании – и бессмысленно кровавая действительность. Даже внешне они как будто были похожи.

Если тщательно процедить все, что мы знаем об этой личности, то вырисовывается донельзя противоречивый характер – жестокость и мягкость, дружелюбие и враждебность, великодушие и низость, неразборчивость в средствах и стремление быть справедливым даже в ущерб себе. Он великолепно разбирался в людях, буквально с первого взгляда определяя – друг перед ним, или враг, и умел угадать – где человек принесет больше всего пользы. И одновременно не смог разглядеть изменников среди ближайших соратников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.